

A close-up, black and white photograph of a person's face, focusing on the right eye. The eye is strikingly bright blue and appears to be glowing, with a dark, silhouetted figure visible within the pupil. The person's skin is pale, and their expression is neutral. The background is dark and out of focus.

К Л Э Р К Е Н Д А Л
**ДНЕВНИК
ЖЕРТВЫ**

Клэр Кендал

Дневник жертвы

Издательство «Синдбад»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кендал К.

Дневник жертвы / К. Кендал — Издательство «Синдбад», 2014

ISBN 978-5-906837-22-6

«Дневник жертвы» — захватывающий психологический триллер о том, как страшно быть объектом нежеланного внимания. Признание в чувствах от кого-то, о ком ты никогда не думала в плане отношений. Рукопожатие, длящееся чуть дольше, чем принято. Постоянные будто случайные встречи в неожиданных местах... Это может быть коллега, друг или сосед. Но внезапно отношения, которым ты не придавала значения, становятся источником чувства тревоги. Чаще всего эта проблема решается откровенным разговором. Но не всегда. Что тогда?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906837-22-6

© Кендал К., 2014
© Издательство «Синдбад», 2014

Содержание

Неделя первая. Девушка за прялкой	6
Неделя вторая. Огненные ангелы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Клэр Кендал

Дневник жертвы

Claire Kendal
The Book of You

© Claire Kendal, 2014

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2016.

* * *

*Посвящается моему отцу, подарившему мне первую книгу сказок,
и моей матери, научившей меня читать*

*Вот, наконец, еще один маленький ключик. Он отпирает каморку,
которая находится внизу, в самом конце темного коридора. Открывай
всё, ходи повсюду, но строго-настрого запрещаю тебе входить в эту
маленькую комнатку. Если же ты не слушаешь меня и отворишь ее,
тебя ждет самое страшное наказание!*

Шарль Перро. Синяя Борода¹

¹ Перевод И. Тургенева.

Неделя первая. Девушка за прялкой

Понедельник

2 февраля, понедельник, 7:45

Это ты. Я знаю. По-другому не бывает. Кто-то догоняет меня; я оборачиваюсь – и вижу тебя, и поскальзываюсь на обледенелом тротуаре, хотя ведь заранее было ясно, что это ты. Поднимаюсь с трудом. Чулки на коленках потемнели от снега. Варезки промокли насквозь.

Нормальный человек в такой холод по своей воле на улицу не выйдет. Но ты – вышел. Прогуляться. Ты пытаешься меня поддержать и спрашиваешь, все ли со мной в порядке. Делаю шаг назад, стараясь не грохнуться снова.

Думаю, ты следил за мной от самого дома. Машинально спрашиваю, что ты здесь делаешь, хотя знаю, что правды ты все равно не скажешь.

Смотрю на твои веки: опять дергаются. Как обычно, когда ты нервничаешь.

– Я просто гуляю, Кларисса.

Ну конечно – вот только живешь ты в соседнем городке, в пяти милях отсюда. Ты покусываешь побелевшие губы, словно догадался, что они лишились даже своего обычного намека на цвет, и хочешь восстановить кровообращение.

– Ты так странно вела себя на работе в пятницу, Кларисса. Убежала. Это все заметили.

Оттого что ты постоянно называешь меня по имени, хочется взвыть. А твое имя теперь не вызывает у меня ничего кроме отвращения. Я стараюсь не вспоминать его: мне кажется, что тогда и тебе не удастся войти в мою жизнь. Но оно все равно каким-то образом просачивается в память. Заползает снова и снова. Как и ты сам.

Второе лицо единственного числа настоящего времени – вот что ты такое. Второе лицо. Во всех смыслах.

Мое молчание тебя ничуть не смущает.

– Ты все выходные не подходила к телефону, Кларисса. Ты ответила только на одну эсэм-эску, да и то не очень-то вежливо. Куда ты собралась в такую погоду?

Мне нужно быстро принять решение. Нужно отвязаться от тебя прямо сейчас. Я не хочу, чтобы ты тащился за мной до самой станции и допытывался, куда я иду. Игнорировать тебя бесполезно: в данный момент это ничего не даст. В реальной жизни советы из брошюрок не работают... кстати, возможно, в твоём случае нужного совета просто нет в природе.

Начинаю врать:

– Я плохо себя чувствовала. Поэтому и ушла тогда, в пятницу. А сейчас мне нужно к врачу. К восьми часам.

– Ты единственная женщина, которая прекрасно выглядит, даже когда болеет, Кларисса. Кажется, теперь мне и в самом деле нехорошо.

– У меня грипп. Меня всю ночь рвало.

Ты тянешь руку к моему лицу: похоже, решил пощупать лоб. Уворачиваюсь.

– Я пойду с тобой. – Твоя рука все еще висит в воздухе, не давая забыть о неуместном порыве. – Тебя нельзя оставлять одну. – Словно в подтверждение этих слов, рука падает и повисает вдоль тела.

– Нет-нет, я не хочу тебя напрягать.

Сомневаюсь, впрочем, что в моем голосе прозвучала именно забота...

– Кларисса, позволь мне присмотреть за тобой! На улице мороз, а ты так легко одета! И волосы влажные. Ничего хорошего. – Ты достаешь телефон. – Я вызову нам такси.

Ты в очередной раз загнал меня в угол. Отступать дальше некуда: у меня за спиной – черная железная ограда, за ней – откос в три фута высотой, а внизу дорога. Я не хочу туда падать. Осторожно продвигаюсь боком, но ты по-прежнему нависаешь надо мной, такой огромный в своем сером пуховике.

Кромки твоих джинсов промокли от снега. О себе бы лучше позаботился. Нос и уши покраснели от холода – как и у меня, скорее всего. Каштановые волосы стали гладкими – возможно, после мытья. Губы, как всегда, сурово сжаты.

Думаю, ты тоже плохо спишь. Я сопротивляюсь как могу, но меня все равно охватывает жалость – несмотря на отвращение, которое я к тебе испытываю. Я не могу просто взять и послать тебя. Я не умею грубить: родители учили меня быть доброжелательной со всеми. И потом, я ведь прекрасно знаю, что ты не отстанешь. Так и будешь идти за мной, делая вид, что не слышишь оскорблений. Я этого не вынесу.

Ты нажимаешь кнопки на телефоне.

– Нет! Не надо никого вызывать! – От моего резкого окрика твои пальцы нерешительно замирают. – Мне тут недалеко. И я не хочу ехать с тобой в такси, – уточняю я на всякий случай.

Нажав «отбой», ты опускаешь телефон в карман.

– Напомни мне свой домашний номер, Кларисса. Кажется, я его потерял.

Мы оба знаем, что я никогда тебе его не давала.

– Я отключила городской телефон. Пользуюсь только мобильным.

Очередная ложь. Какое счастье, что ты не догадался выяснить мой номер, когда был у меня дома! Просто удивительно, как ты упустил такой шанс. Наверно, теперь локти кусаешь? Впрочем, ты тогда был занят другим.

– Почему бы тебе еще раз не прогуляться вдоль гребня холма? – предлагаю я, указывая наверх. Я сознательно играю на твоём желании доставить мне удовольствие. Мерзко, но другого выхода нет. – Мне там очень нравится... Рэйф.

Ну вот я и выговорила твоё имя. Неестественно длинная пауза перед ним насторожила бы любого – но только не тебя. Ты не понимаешь, что это всего лишь обманка. Наживка, которую я бросила в надежде, что ты клюнешь и уйдешь.

– Хорошо, Кларисса. Я всегда рад доставить тебе удовольствие. Лишь бы ты была счастлива. Если бы ты только позволила мне...

На твоих губах играет слабая улыбка.

– Всего хорошего, Рэйф, – я снова заставляю себя произнести это имя.

Теперь ты улыбаешься шире и уверенней. Чувствую себя немного виноватой: поразительно, как такая грубая уловка могла сработать.

Я все еще не до конца верю в своё освобождение. Начинаю осторожно спускаться с холма, поминутно оглядываясь и проверяя, увеличивается ли между нами расстояние. Ты тоже каждый раз оборачиваешься и приветственно машешь мне рукой. Машу в ответ с притворным энтузиазмом.

Теперь буду ездить на станцию на такси. И смотреть по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Когда ты появишься в следующий раз, я буду действовать в соответствии с системой. Поступлю, как советуют брошюры. Постараюсь молчать или же в надцатый раз в недвусмысленных выражениях прикажу тебе оставить меня в покое. Даже моя мама согласилась бы, что в данных обстоятельствах невежливость вполне оправданна. Хотя я, разумеется, не собираюсь волновать родителей рассказами о твоих выходках.

На платформе объявляют об отменах и задержках в связи с погодными условиями. Я тревожно слушаю повторяющиеся извинения: мне все кажется, что ты можешь появиться с минуты на минуту. Зубы у меня стучат.

Прислоняюсь к стене и начинаю строчить в своём новом блокноте: это будет моя первая запись. Блокнот тонкий, поэтому я могу всегда носить его с собой, как советуют брошюры. У

него матово-черная обложка и крепление на пружинах. Страницы разлинованы. По телефону доверия говорят, что я должна вести подробный дневник. Что нельзя упускать ни малейшей детали. Что после каждого эпизода, даже самого незначительного, надо как можно скорее все записать. Правда, с тобой незначительных эпизодов не бывает.

Меня колотит озноб. Зря я все-таки не досушила волосы. Но я слишком торопилась выйти из дома. Боялась опоздать. Сегодня я проспала, потому что мне всю ночь снились кошмары – как всегда, с твоим участием. Может, я и успела бы подсушиться, но в тот момент я не была уверена. Такие вещи сложно предсказать – в отличие от твоего поведения. Волосы превратились в сосульки: лед через них проникает в кожу, сковывает сосуды. Скоро я, как в сказке, превращусь в камень.

Должно же быть на свете место, где его нет. И Клариссе казалось, что она наконец туда попала.

Она поднималась по мраморной лестнице на второй этаж. Со стены напротив сурово глядели портреты судей; они как будто следили за каждым ее шагом, но она все-таки верила, что здесь за ней шпионить не будут. И надеялась, что он сюда не проберется.

Она показала приставу свой паспорт и розовую повестку и присела на обитый синей тканью стул. В комнате было удивительно тепло. Пальцы ног тут же оттаяли. Волосы высохли. Чудесное место – особенно потому, что здесь нет его! Сюда могут входить только присяжные; а чтобы открыть дверь, нужно сначала ввести код.

Захрипел микрофон, и она чуть не подскочила от неожиданности.

– Внимание! Вызываются участники двухнедельного судебного разбирательства в зале номер шесть. К столу просят подойти следующих лиц, – объявил пристав.

Две недели в зале суда! Целых две недели чувствовать себя в безопасности! Не ходить на работу, не видеть его... Ее сердце учащенно билось; казалось, она вот-вот услышит свое имя. Но ее так и не вызвали, и она разочарованно откинулась на спинку стула.

В обеденный перерыв она решила подышать. Заставила себя выйти из здания суда, которое казалось ей таким надежным. Сразу за вращающимися дверьми она нерешительно остановилась, окидывая взглядом улицу. Ей показалось, будто он прячется между двумя автозаками, припаркованными в нескольких метрах от входа; задержав дыхание, она бросилась мимо них по тротуару, ожидая увидеть, как он сидит на корточках около бампера... Его там не было. У нее вырвался вздох облегчения.

Она бродила по уличному рынку и наблюдала. Люди покупали в палатках готовые эко- и этноланчи. В дорогом итальянском ресторане за большим столом расположилась компания адвокатов.

Оглянувшись на всякий случай, она нырнула в швейный магазинчик и сразу растворилась в его уютной домашней атмосфере. Как и следовало ожидать, первым делом ее потянуло к детским тканям. Русалочки плыли по лиловым и ярко-розовым морям, а за ними зачарованно следовали маленькие девочки. Она тут же придумала детское платье в стиле кантри: лиловые полосы чередуются с ярко-розовыми...

Генри раскритиковал бы ее в пух и прах. Слишком приторно и пестро. Слишком карамельно. Чересчур сентиментально. Банально. Однотонное лучше. Вот что бы он сказал. Может, потому они и разошлись? А вовсе не из-за того, что с ребенком не вышло?

Усилием воли она заставила себя перейти к витрине с нитками, на ходу нашарив в сумке ткань для квилтинга: кусок зеленого ворсистого хлопка с малиновыми цветами. Подобрав нитки под цвет фона, она с двумя катушками направилась к кассе.

– Что будете шить? – поинтересовалась продавщица.

У нее перед глазами промелькнули кадры той единственной ночи. Легкое подрагивание век, опущенных бледными ресницами; взгляд, от которого не спрятаться; капающая изо рта слюна... Рэйф был в ее постели. Она должна изгнать его.

– Новое одеяло, – ответила Кларисса.

Оно будет ей к лицу. Неожиданно для себя она с задорным любопытством подумала, кому же суждено однажды укрыться вместе с ней этими хрупкими малиновыми цветами.

2 февраля, понедельник, 14:15

Я пытаюсь восстановить события. Заполнить все пробелы. Воскресить в памяти все, что ты делал до сегодняшнего дня, – то есть до того, как я начала вести записи. Я не должна упустить ни малейшей детали: я просто не могу себе этого позволить. Но когда я вспоминаю, то словно переживаю все заново. Когда я вспоминаю, ты снова оказываешься рядом со мной. А я вовсе не хочу, чтоб ты был рядом.

10 ноября, понедельник, 20:00 (три месяца назад)

Этой ночью я совершу непоправимую ошибку – пересплю с тобой. Но пока что я в книжном магазине. На презентации твоей новой книги о сказках. Сегодня в магазин пускают только приглашенных. Твоих коллег с отделения английской литературы пришло два с половиной человека. Вдохновившись моим присутствием, они шепотом перемывают Генри косточки. Я делаю вид, что не слышу. Беру с полки книги и увлеченно перелистываю, хотя слова так прыгают перед глазами, что прочесть их невозможно.

По-прежнему не могу понять, зачем я здесь. И почему выпиваю все бокалы красного и белого вина, которые ты мне подносишь. Вероятно, из-за чувства одиночества и опустошенности оттого, что Генри уехал из Бата. Ему предложили должность профессора в Кембридже – должность, которой он добивался много лет. Сочувствие тоже сыграло свою роль: я получила от тебя целых три приглашения.

Я не могу уйти, пока ты не закончишь выступление. Сажусь в последнем ряду и слушаю, как ты зачитываешь отрывки из главы «Как узнать настоящую суженую». Потом ты замолкаешь, и твои немногочисленные коллеги из вежливости задают несколько вопросов. Я не специалист, и спрашивать мне нечего. Когда жидкие аплодисменты стихают, я начинаю спешно пробираться к выходу, но ты успеваешь меня перехватить и жалобно просишь остаться еще немного. Уединяюсь в отделе живописи со сборником репродукций Мунка. Расположившись на грязно-бежевом ковре, раскрываю «Поцелуй» – одну из ранних версий, где влюбленные еще обнажены.

Неожиданно на страницу падает тень, и повисшую в зале тишину разрывает твой голос. Господи, как ты меня напугал!

– Если бы я тебя не нашел, пришлось бы тебе тут ночевать.

Слова гулко разносятся по пустынному этажу. Ты возвышаешься надо мной, как великан, и с улыбкой меня разглядываешь. Захлопываю Мунка и кладу его рядом с собой.

– Думаю, не так уж и страшно провести ночь с художниками.

Я картинно помахиваю твоей тяжелой книгой; запястье тут же отзывается болью. Чувствую себя актрисой, злоупотребляющей театральным реквизитом.

– Она великолепна! – продолжаю я. – Очень мило с твоей стороны подарить мне книгу. И ты изумительно читаешь. Тот отрывок мне очень понравился.

– А мне очень нравится эта картина, Кларисса.

В одной руке у тебя раздувшийся портфель, другая неловко сжимает два бокала с вином. Ты наклоняешься и ставишь все это на пол.

– У тебя там не труп, случайно? – усмехаюсь я.

Тебя выдает метнувшийся к застёжке взгляд: ты словно хочешь убедиться, что портфель надёжно заперт. Похоже, у тебя есть секреты, о которых другим знать не положено.

Ты тоже смеёшься. И протягиваешь мне руку:

– Всего лишь книги и бумаги. Давай, выходи из своего убежища! Я провожу тебя до дома. Ночь слишком темная, чтобы гулять по улице одной.

Я позволяю тебе помочь мне подняться. Моя рука по-прежнему в твоей – ты ее не выпускаешь. Мягко высвобождаюсь.

– Со мной все будет в порядке. А вас разве не ждут на торжественном ужине, профессор?

– Я не профессор. – У тебя начинается подрагивать веко. Быстро, равномерно, словно изнутри под ним бьется крошечное насекомое. – Я подавал на профессора, но в тот год его получил Генри. Бесполезно тягаться с обладателем поэтической премии, не так ли? Да и его деканство тут очень кстати пришлось.

Вообще-то Генри заслуживал эту должность как никто другой. Но я же не могу так ответить...

– Мне очень жаль, – бормочу я и после неловкого молчания продолжаю: – Мне пора домой.

У тебя такой подавленный вид, что я чувствую себя обязанной сказать что-то ободряющее. Пытаюсь смягчить свой неотвратимо надвигающийся уход:

– Ты очень интересно пишешь, Рэйф! Тебе действительно есть чем гордиться!

Ты тянешься за вином и протягиваешь мне бокал.

– Последний тост, Кларисса. На дорожку.

– За твою прекрасную книгу! – Мы чокаемся: я – белым, ты – красным, и я отпиваю из своего бокала. Как же мало тебе нужно для счастья! Твоя радость и трогает меня, и печалит. В ближайшие месяцы я буду вспоминать этот момент слишком часто. И каждый раз буду пытаться забыть его навсегда.

– До дна! – И ты залпом, демонстративно, опустошаешь бокал.

Покорно допиваю свой, несмотря на какой-то подозрительный солено-сладкий медицинский привкус. Не хочу омрачать тебе праздник – он и без того получился довольно унылый.

– Позволь мне проводить тебя, Кларисса. Я лучше с тобой прогуляюсь, чем пойду на какой-то занудный ужин.

Через минуту мы оказываемся на улице. Вдыхаем свежий, по-осеннему прохладный воздух. Благодаря вину мне теперь море по колено; и все же я не сразу решаюсь задать следующий вопрос:

– Ты когда-нибудь думал о первой жене Синей Бороды?

Почему в сказке про нее ничего не говорится? Ведь ее труп тоже должен был висеть в запретной комнате.

Ты снисходительно улыбаешься. Можно подумать, я одна из твоих студенток. Одет ты сегодня непривычно: твидовый пиджак, мягкие коричневые вельветовые брюки, рубашка в тонкую бело-голубую полоску, темно-синяя безрукавка... выглядишь как типичный американский профессор.

– Поясни, пожалуйста.

Вот так ты, наверно, разговариваешь на семинарах по английской литературе. Властным, не терпящим возражений тоном.

– Ну, если тайная комната существовала с самого начала и он запретил первой миссис Синяя Борода входить туда, то тогда там еще не висело ни одной мертвой бывшей жены. Она не могла уронить ключ в лужу крови, не могла его испачкать и выдать себя. Так какой же предлог он придумал, чтобы убить первую жену? Для меня это всегда было загадкой.

– Думаю, тест с комнатой он избрал уже для второй жены. А первая совершила нечто еще более ужасное и непростительное, чем вторжение в запретную комнату. Проявила высшую

степень неповиновения. Быть может, она изменила ему, как первая царская жена в «Тысячи и одной ночи», и за это он ее убил. А после решил испытывать каждую следующую жену, чтобы понять, можно ли ей верить. Вот только ни одна из них не смогла пройти испытание.

Твой беспечный, шуточный тон не насторожил меня. Я должна была догадаться, что это не шутка, потому что ты никогда не бываешь беспечным. Если бы не третий бокал, я бы обязательно догадалась и сумела предотвратить все, что случилось потом.

– Ты как будто считаешь, что она это заслужила?

– Конечно нет! – Слишком быстро. Слишком эмоционально. Я знаю, что ты врешь. – Разумеется, я так не считаю!

– Да? Но ты сказал «неповиновение». Жуткое слово! – Мне кажется или меня правда шатает? – И потом, это нечестно: ведь дом принадлежит им обоим. Он не может запрещать ей входить в какие-либо комнаты.

– Мужчинам нужны тайники, Кларисса.

– Серьезно? – Ты киваешь, и я продолжаю: – Я думаю, этой комнате довелось быть свидетелем страшных, отвратительных сцен. Думаю, он реализовывал там свои самые извращенные фантазии.

– Ты досконально изучила «Синюю Бороду», Кларисса. Лучше любого критика. Вот кому нужно было профессора давать! Не стоило тебе бросать аспирантуру.

Энергично мотаю головой в знак протеста. Постепенно движение сходит на нет, но все вокруг продолжает раскачиваться. Не припомню, чтобы я кому-нибудь говорила о неоконченной аспирантуре. Вяло изумившись твоей осведомленности, я застываю на месте, зачарованно глядя на выставленное в витрине кольцо – платиновое, витое, усыпанное бриллиантами. Я все мечтала, что однажды Генри решит сделать мне сюрприз и купит его. Но он не купил. Камешки искрятся и то и дело вспыхивают в танцующих лучах подсветки, как морская гладь в яркий солнечный день. Не могу оторваться от волшебных желтых и белых лампочек, которые перемигиваются по периметру окна.

Ты тянешь меня дальше, прочь от витрины, и я растерянно моргаю, будто спросонок. Мы оставляем позади золотисто-коричневые георгианские дома и приютившиеся в них магазинчики, давно закрытые в такой час. Я больше не могу идти самостоятельно. Твоя рука обвивает мою талию и направляет меня в нужную сторону.

Не помню, как мы прошли по переходу; теперь мы взбираемся по крутому холму. Я хватаю ртом воздух. Ты не отпускаешь меня от себя, то подталкивая вперед, то подтаскивая. Ты практически несешь меня. Перед глазами пляшут блестящие точки: те самые бриллианты и волшебные огоньки. Мы останавливаемся у входа в старинный дом. Я здесь живу. На третьем этаже. Не понимаю, как мы умудрились добраться так быстро.

Кровь стучит у меня в висках. Я слегка покачиваюсь, как тряпичная кукла. Ты помогаешь мне найти ключи. Ведешь меня по лестнице. Помогает вставить еще два ключа и открыть дверь квартиры. Я стою, не зная, что делать дальше. Сильно кружится голова.

– Ты не пригласишь меня выпить кофе?

Сыграть на моей вежливости – беспроектный вариант. Я думаю о Белоснежке с наивными кукольными глазами, которая отворила дверь злой королеве и чуть ли не вырвала у нее из рук отравленное яблоко. Потом о Джонатане Харкере, сумевшем покинуть замок Дракулы. Потом опять всплывает Синяя Борода и его кровавая комната. Интересно, он переносил своих новоиспеченных жен через порог замка? Как они, наверно, радовались, бедные, когда запрыгивали к нему на руки. Они даже не представляли, какие чудовищные пытки их ожидают.

Пытаюсь улыбнуться, но лицо меня совсем не слушается.

– О, разумеется! Конечно, приглашу. Ты просто обязан зайти и выпить кофе и согреться, а потом я вызову тебе такси. Это было ужасно любезно с твоей стороны – проводить меня домой, да еще в такой особый вечер... – Я понимаю, что меня понесло. – Извини, – бормочу

я, стоя у раковины с чайником в руках и глядя на льющуюся воду. Такое чувство, словно я пытаюсь говорить на незнакомом языке. – Голова очень кружится.

Все силы уходят на то, чтобы устоять на ногах. Я как будто на карусели. Или это комната кружится? Мое тело перестало быть твердым. Оно стекает вниз, – ноги с готовностью подгибаются. Теперь я сижу на темно-сером плиточном полу своей встроенной кухни – рядом с чайником, у которого из носика выплескивается вода.

– Умираю от жажды, – жалуюсь я, отчаявшись придумать, как добыть воду из чайника, несмотря на то что она уже залила мне все платье.

Ты берешь стакан и наливаешь в него воду. Опускаешься рядом со мной на колени и поишь меня, как маленького ребенка. Стираешь указательным пальцем каплю, повисшую у меня на подбородке, потом проводишь этим пальцем по своим губам. Я по-прежнему сижу, вцепившись в чайник.

Ты встаешь, чтобы выключить воду и вернуть стакан на место. Перегнувшись через мою голову, наклоняешься и забираешь у меня чайник.

– Мне так больно от мысли, что ты не доверишь мне, Кларисса, – произносишь ты, дыша мне в волосы.

Ты поднимаешь меня с пола, и я повисаю на тебе – ноги как чужие. Мы уже в спальне. Усадив меня на край кровати, ты садишься передо мной на корточки. Я валюсь назад: спина совсем не держит. Слезы катятся у меня по щекам.

– Не надо, – шепчешь ты, и гладишь меня по голове, и приговариваешь, какие мягкие у меня волосы, и осушаешь поцелуями выступающие слезы. – Давай-ка я уложу тебя в постель. Я знаю, как с тобой нужно обращаться.

– Генри... – начинаю я. Не думала, что произносить слова так трудно. Кажется, я разучилась разговаривать.

– Забудь о нем! – Ты злишься. Закрываю глаза, не в силах больше выносить этот пронизывающий взгляд. – Признайся: ты ведь думала о нас, когда разглядывала ту картину Мунка? Ты представляла нас вместе. Вдвоем. Я тоже об этом думал.

Мое тело растеклось, как кисель; я чувствую, что умру, если останусь сидеть. Обессиленно падаю на спину. В голове бушует цунами, в ушах гремят барабаны. Я понимаю, что это стучит мое сердце. Все громче и громче, громче и громче.

Талия, живот, бедра, поясница: твои руки ползают по мне, расстегивая платье.

Я хотела, чтобы к этому платью прикасался только Генри. Я сшила его для праздничного ужина в честь дня моего рождения. Семь месяцев назад. Мы оба знали, что все кончено, но Генри не позволил мне встречать тридцать восьмую годовщину одной. Последний вечер вместе. Прощальный ужин, прощальный секс... Это платье я шила не для тебя!

Я отбиваюсь, слабо и безрезультатно. Сил у меня сейчас не больше, чем у младенца. Ты тянешь на себя расстегнутое платье, и оно соскальзывает с моих плеч. Потолок валится прямо на меня. Дальше – чернота. Засвеченные кадры из кошмарного сна, который я не желаю помнить.

Она настолько увлеклась своим занятием, что даже выронила ручку от испуга, когда тишину зала прорвал хриплый скрежет микрофона.

– Вызываются участники судебного разбирательства в зале номер двенадцать! Следующих лиц просят подойти к столу, – объявил пристав.

Ее вызвали первой – от звука своего имени она вздрогнула, как от удара током, и поспешно сунула блокнот в сумку, словно изобличающую улику, которую никто не должен видеть.

Две минуты спустя она уже торопливо шла за приставом вместе с остальными. Распахнулась тяжелая дверь, пропуская их в святая святых. Они поднялись на несколько этажей по

бетонной, продуваемой сквозняками лестнице, прошагали по линолеуму через маленькую, чересчур ярко освещенную комнатку и нырнули в следующую дверь. Она поняла, что они пришли в зал суда, и растерянно заморгала. Ее имя прозвучало снова. Она прошла в последний ряд.

Генри ни за что бы не стал клясться на Библии, но Кларисса взяла книгу из рук пристава без малейших колебаний. И робко, но искренне, с верой в каждое слово, принесла присягу.

Рядом сидела пухленькая темноволосая женщина, чье имя можно было угадать по ожерелью с буквами из белого золота: Энни. Кларисса повернулась направо и сквозь застывший глаза туман увидела пятерых обвиняемых, которые сидели всего в нескольких футах от нее. По бокам стояла охрана. Энни демонстративно разглядывала их, словно желая, чтобы они это заметили.

– Суд продлится семь недель, – сообщил присяжным судья.

Семь недель! О таком счастье она не смела даже мечтать.

– Если вы по уважительной причине не можете участвовать в данном разбирательстве, вы должны перед уходом сообщить об этом судебному приставу. Первое заседание назначается на завтра.

Она нащупала сумку, встала со стула и, одернув задрывшуюся юбку, направилась к выходу вместе с остальными. Проходя мимо скамьи подсудимых, она подумала, что если бы они с крайним обвиняемым вытянули руки, то могли бы коснуться друг друга пальцами.

Она зашла в вагон, пробралась на последнее свободное место, на ходу стаскивая варежки, и достала телефон. К горлу подкатила легкая тошнота. Четыре сообщения. Одно от мамы, остальные от Рэйфа. Сегодня всего три? Для него – более чем скромно.

Против обыкновения, мамин текст она прочитала без улыбки: «Кофе – это не еда». Но к его СМС-сериалу, с виду совершенно безобидному, она не привыкнет никогда.

«Надеюсь, ты спишь. И видишь меня во сне».

«У тебя постоянно включается голосовая почта. Позвоню позже».

«Тебе нужны витамины. Соки, фрукты и все такое. Я к тебе заеду».

Ей так нужна была подруга. Человек, которому можно пожаловаться, показать эти сообщения и попросить совета. Раньше у нее были подруги – до того, как ее жизнь закрутилась вокруг Генри и попыток забеременеть. До того как она позволила мужчине бросить ради нее жену; до того как потеряла доверие других женщин; до того как ей стало слишком тяжело выносить их неодобрительные взгляды. Она стыдилась того, что сделала, и видела этот стыд, отраженный на их лицах.

Генри с ее подругами не встречался, однако ей все равно не слишком удавалось следовать важному правилу, рекомендующему разделять дружбу и личную жизнь. Когда Генри уехал, возобновить отношения с подругами она не решилась. Боялась, что те ее не простят. Иногда ей даже казалось, что она их не стоит.

Она подумала о Ровене – подруге детства, которую не видела два года. Их матери познакомились в родильном отделении, а потом вместе укачивали своих младенцев, глядя на море из окон верхнего этажа. Кларисса с Ровеной были неразлучны с рождения. Они вместе играли, вместе ходили в школу. Но Ровена тоже не любила Генри. Впрочем, они с ней выросли такими разными... вероятно, их разрыв был неизбежен, и Генри его лишь ускорил.

Хватит себя жалеть; лучше постараться завести новых друзей. Пусть сейчас ей не к кому пойти, но у нее, по крайней мере, есть телефон доверия. В субботу на почту прибыли их информационные брошюры – всего через день после того, как она впервые им позвонила.

Она написала ему сообщение: «Не приезжай. Не хочу тебя видеть. Я очень заразная».

И, едва отправив, тут же пожалела, потому что вспомнила важный совет из брошюрок. «Не вступайте в разговор без крайней необходимости. Исключите все виды общения», – повторяли они на каждой странице. Бывшие подруги наверняка сказали бы то же самое.

Нельзя было давать ему свой номер; но в то утро она просто не знала, как еще его выпроводить. На него не действовали ни звуки рвоты, доносившиеся из ванной, ни три таблетки парацетамола, которые она проглотила у него на глазах, не в силах больше терпеть головную боль. Ее колотило, но он как будто не замечал, как ей плохо, и не понимал, что должен уйти. Спасти ее тогда мог лишь телефонный номер. Если бы она догадалась соврать и написать другие цифры! Но для этого она слишком плохо себя чувствовала.

Она набрала номер Гэри. Судья сказал: «Уважительная причина». Что он имел в виду – беременность? кормление грудью? У нее как будто нет никаких подходящих причин; правда, ее отсутствие доставит некоторые неудобства начальству, но эта причина точно не является уважительной.

– Я была уверена, что суд продлится дней девять, не больше! – заговорила она извиняющимся тоном, притворяясь совершенно ошарашенной. – Ну максимум две недели – в их расылках всегда так говорят. Но меня забрали на целых семь недель. Мне очень жаль...

– Неужели нельзя было как-то отвертеться? Ведь университет без тебя пропадет!

– Без меня-то? – усмехнулась она. – Я же не преподаватель. И не ученый. Хотя их тоже вызывают. Даже сами судьи от этого не застрахованы. Приятно, конечно, что ты считаешь меня такой незаменимой, но, по-моему, секретарь заведующего отделением магистратуры – это не самая важная персона.

– Не увиливай от ответа. – В исключительных случаях Гэри напускал на себя строгость. – Ты могла отказаться или нет?

– Нет, – соврала она, не испытывая ни малейших угрызений совести. Поезд уже подходил к станции; наконец-то она дома. Кожу слегка покалывало – верный признак того, что за ней наблюдают. Но она точно знала, что Рэйфа в вагоне нет. На платформе его тоже не было видно. – Не могла.

Вторник

От вокзала Темпл-Мидз в Бристоле она шла в суд пешком. Глаза щипало от выхлопных газов. Просторные улицы походили друг на друга, словно близнецы, и ей казалось, что она заблудилась.

Вот эта фиолетовая стена справа вчера точно была; она попыталась сосредоточиться на дороге и вспомнить еще какие-то ориентиры, однако Рэйф неотступно стоял у нее перед глазами, не давая думать ни о чем другом.

30 января, пятница, 10:00 (четыре дня назад)

Сегодня мой последний день на работе. Сегодня я все еще вынуждена тебя избегать. Однако в понедельник я стану присяжной: я растворюсь в недрах здания суда, и ты не будешь знать, где я.

Захожу в поточную аудиторию с деревянными, прикрученными к полу стульями. На один стул кладу кипу отчетов, на другой ставлю сумку. Сажусь между ними в надежде, что мои скромные баррикады отпугнут тебя. Кто угодно поймет: я хочу, чтобы меня оставили в покое. Кто угодно – но только не ты. Ты у нас намеков не понимаешь.

Ты стоишь рядом.

– Привет, Кларисса! – произносишь ты, перекладывая мои бумаги на пол, и садишься на соседнее сиденье – знаешь, что я не буду скандалить на публике.

Я убью Гэри за то, что он послал меня на это собрание вместо себя! Хотя он, конечно, не виноват. Ты занял стул у прохода, отрезав мне путь к отступлению, – можно было бы догадаться, что все так и будет.

Ты смотришь на меня не отрываясь. Твои веки слегка подергиваются. Я хочу закрыть лицо руками, хочу спрятать от тебя все свое тело, но мне некуда деться от этого взгляда. Твои щеки то вспыхивают малиновым, то вдруг белеют – словно лампочки на приборной панели. Мне противно видеть, как я на тебя действую; противно видеть, что происходит с твоим телом.

Ты тоже на меня действуешь. Жар внутри нарастает; острая боль в груди не дает мне дышать. Я боюсь, что меня вырвет. Боюсь упасть в обморок у всех на глазах. Наверно, это приступ панической атаки.

Лампы дневного света усеяны ссохшимися мушинными трупами. Искусственный свет прожигает мне макушку – я чувствую это, хотя потолок высокий и лампы далеко. Зимой мухи выживают в теплом воздухе под крышей. Одна сейчас как раз с шипением поджаривается внутри заманившего ее плафона. Вдруг она на меня упадет? Хотя лучше уж муха, чем ты.

Ты касаешься моей руки. Я отстраняюсь, стараюсь не делать резких движений.

– Ты ведь знаешь, как я люблю эту прическу, Кларисса? Когда шея открыта. У тебя очень красивая шея, Кларисса. Это все для меня, правда? И платье тоже. Ты знаешь, я люблю, когда ты в черном, – шепчешь ты.

Я больше не могу. Вскрываю как ошпаренная и, забыв про бумаги, прорываюсь к выходу, спотыкаясь о твои колени и ступни. Воспользовавшись случаем – а ты всегда им пользуешься, – ты хватаешь меня за талию, якобы пытаешься меня поддержать. Разъяренно отрываю от себя твои пальцы, не забывая о реакции заместителя ректора. Замерев на полуслове, он прерывает вступительную речь, потому что все головы повернулись в мою сторону и смотрят, как я убегаю. Слезы жгут мне глаза при мысли, что сумасшедшей выгляжу как раз я, а не ты.

При виде здания суда она с облегчением оторвалась от воспоминаний. Каким-то чудом она все-таки дошла, но, разволновавшись, забыла свернуть налево и прошагала целых двадцать минут, прежде чем обнаружила это и поспешила обратно. Судья вполне мог отстранить ее за опоздание, а ведь сегодня только второй день! Проходя за барьер, она снова споткнулась.

На столике перед ними с Энни лежал скоросшиватель. Они вместе открыли его и изучили внушительный список обвинений. Похищение. Незаконное лишение свободы. Изнасилование. Распространение наркотических средств класса «А» в составе преступной группы. Чудовищные, пугающие слова; она не могла понять, что вообще делает в таком месте.

Обвинителю на вид было лет пятьдесят. Расходящиеся от глаз лучики выдавали веселый нрав, хотя к присяжным он обращался с предельной серьезностью.

– Я расскажу вам одну историю, – начал мистер Морден. – Реальную историю. И я уверен, что она вам не понравится. Это не сказка. Это история о том, что случилось с Карлоттой Локер.

Четверо из пяти обвиняемых сосредоточенно уставились в пол, словно случайно стали свидетелями разговора, который их не касается, и теперь вежливо пытались не подслушивать.

– Полтора года назад, в последнюю субботу июля, Сэмюэль Доулмен с друзьями решили прокатиться.

Серые глаза Доулмена смотрели не мигая, но веснушчатое лицо заметно побледнело. Рыжие волосы были коротко острижены, между ними просвечивала кожа. Эта белая кожа и веснушки придавали ему какой-то беззащитный вид.

– Он повез их из Лондона в Бат на минивэне. Они собирались поохотиться. Их дичью была Карлотта Локер.

Кларисса прекрасно помнила, чем она занималась в тот день; она сомневалась, чтобы еще кто-либо из присутствующих – за исключением обвиняемых, конечно, – мог похвастаться тем же. Незадолго до того они прошли четвертую процедуру ЭКО. На двадцать восьмое июля

ей назначили последний тест на беременность. Раннее субботнее утро, напряженная поездка в Лондон, лаборатория, где у нее взяли кровь... На обратном пути они вполне могли ехать по шоссе за тем самым минивэном. Кларисса рыдала – ей только что позвонили из клиники. Генри задумчиво молчал.

– На экранах вы видите записи с камеры видеонаблюдения: обвиняемые у входа в квартиру мисс Локер.

Кларисса заставляла себя сосредоточиться, уговаривала сердце успокоиться. Она знает этот дом: он от нее в десяти минутах ходьбы. Перехвати ее Рэйф вчера чуть позже, они бы разговаривали как раз напротив.

Несмотря на дергающееся зернистое изображение, обвиняемых можно было узнать. Они слонялись у входа, бестолково суетясь, и поминутно заглядывали в стеклянную дверь, колотя в нее кулаками и дергая ручку.

Она представила, как Рэйф делает то же с ее дверью. Мисс Нортон – маленькая старушка с первого этажа – обязательно сообщила бы ему, что она об этом думает. Если бы он, конечно, посмел. В доме жили только Кларисса и мисс Нортон: квартира на втором этаже все время пустовала: купивший ее богатый австралиец почти не появлялся здесь – для него это была просто инвестиция.

– Очевидно, мисс Локер нет дома. К несчастью для нее, от мистера Доулмена и его друзей не так-то легко отделаться.

Как и от Рэйфа. Во рту стоял кислый привкус утреннего кофе.

– Они выследили добычу. Они загнали ее и схватили. Они заставили ее совершить эту кошмарную поездку в Лондон, а потом затащили в свое злое садистское логово.

Она в сотый раз представила, как идет в полицию и пишет заявление. И в сотый раз с мучительной ясностью осознала, к чему это приведет. Она сама его провоцировала – вот что они подумают.

Он скажет, что ей нравилось привлекать внимание. Что она сама явилась к нему на презентацию, потому что хотела с ним переспать. Что потом она пригласила его к себе домой. Наверняка можно найти записи с камер наблюдения, на которых видно, как они в тот вечер в обнимку поднимались на холм.

Она снова мысленно повторила предостережение брошюрок: «Если вы не совсем уверены в правдивости своих слов, ваше дело может рассыпаться, и доверие к вам будет подорвано». Она-то уверена. Но что такое ее слова против его слов?

Вдруг вспомнилось то, о чем обычно она старалась не вспоминать: как незнакомая девочка на набережной ударила ее под дых, сбила с ног и, выхватив сумку, бросилась бежать. Клариссе было пятнадцать. Они с Ровеной возвращались домой из школы. Все произошло так быстро, что она ничего не успела сделать. Только хватала ртом воздух, а Ровена сидела рядом и обнимала ее.

Родители убедили ее написать заявление. Отвезли в полицейский участок, однако кислая инспекторша явно решила, что речь идет об обычных школьных разборках, не заслуживающих того, чтобы тратить на них драгоценное время. Она все спрашивала, чем Кларисса могла спровоцировать этот инцидент. Может, она вызывающе вела себя? Хвасталась ценными вещами перед девочкой, которой меньше повезло в жизни? Увела у нее парня? Кларисса вышла оттуда с малиновыми щеками – лицо у нее горело. Она чувствовала себя преступницей.

«Вспышка беспричинной агрессии», – говорила Ровена, держа ее руки в своих после того, как все закончилось. Но Кларисса так не думала. Вероятно, в ней самой нечто особенное... нечто такое, что привлекло к ней внимание той девочки. И Рэйфа тоже. Уж он-то точно ничего не делает без причины.

Заболели глаза, и она с силой зажмурила их на секунду. Сидевший перед ней высокий мужчина ужасно мешал ей; его рост был не меньше шести футов, и ей постоянно приходилось

вытягивать шею, чтобы поверх его коричневого ежика увидеть лицо мистера Мордена. Плечи у нее совершенно одеревенели; и вчера было то же самое. Через семь недель ей понадобится мануальщик.

Мужчина поднялся и коротко кивнул ей, показывая, что пропускает вперед. Его уверенная поза притягивала взгляд: ноги на ширине плеч, ступни идеально параллельны, пятки словно вдавлены в пол, руки сложены на груди. Кларисса никогда не видела такого сочетания выправки и непринужденности.

Бурные выражения признательности в зале суда были неуместны; а вот оказывать друг другу мелкие знаки внимания ей представлялось очень важным. Она легонько кивнула ему и с вежливой полуулыбкой прошла вперед, отвечая таким образом на его демонстративную учтивость.

3 февраля, вторник, 18:00

Это не могло длиться вечно. Я знала, что не могло. Удивительно уже то, что благодаря моей фиктивной болезни я на целый день освободилась из-под твоего надзора. Тридцать четыре часа. Самая длинная передышка за последние недели.

Ты скажешь, что это любовное послание. Я назову его письмом ненависти. Чем бы оно ни было, сейчас оно лежит у меня на полке в невинном коричневом конверте. Мисс Нортон заботливо отложила его для меня.

«Ни один мужчина не пойдет ради тебя на то, на что готов я. Ни один не будет любить тебя так, как я».

Впервые хочется, чтобы это было правдой.

Среда

4 февраля, среда, 8:00

Открываю входную дверь. Ты стоишь так близко, что я тут же чувствую запах твоего мыла и шампуня. Ты пахнешь чистотой и свежестью. Лавандой, яблоком и бергамотом. Лучше бы этим пах не ты.

– Тебе уже лучше, Кларисса?

Ты не понимаешь, что такое честная игра. Ты не заслуживаешь, чтобы с тобой говорили честно и открыто. Но сегодня я сделаю это – в последний раз, прежде чем навсегда перестану с тобой разговаривать. Сегодня все будет не так, как в понедельник.

Я разговариваю спокойным и доброжелательным тоном. Ничего общего с тем, первым, разом.

– Я не хочу, чтобы ты был рядом. Не хочу тебя видеть, не хочу тебя знать. Больше никаких писем, звонков или подарков. Никаких визитов. Я запрещаю тебе приходить сюда.

Моя речь великолепна. Я репетировала очень тщательно. Не взглянув в твою сторону, быстро прохожу мимо: ты и без того слишком отчетливо стоишь у меня перед глазами. Я могу по памяти составить твой словесный портрет.

Рост шесть футов. Телосложение крепкое. Живот был когда-то плоским, а теперь перестал – видимо, ты начал пить. И бедра тоже раздались за последний месяц. Лицо с ничем не примечательным носом расплылось и припухло, потеряв свои первоначальные очертания.

А вообще ты весь какой-то бледный и бесцветный. У тебя бесцветная душа, бесцветные мысли и бесцветное тело. Твоя бледная кожа легко вспыхивает, моментально переходя от белого к малиновому. Волосы прямые, короткие, для мужчины слишком мягкие и шелковистые. Еще не поредели. Брови бледные, песочные; глаза маленькие, мутные, водянисто-голубые. Губы тонкие. Бесцветные.

Ты берешь меня за локоть. Страхиваю твою руку и продолжаю идти по дорожке к приехавшему за мной такси.

– Я хотел узнать, как ты, – произносишь ты как ни в чем не бывало. – Твой телефон все время выключен. Я очень беспокоюсь, когда не могу с тобой связаться.

Розовые кусты мисс Нортон совсем облетели. Из-за тебя мне кажется, что я прохожу мимо них слишком долго. Наверно, это не так: я уже около машины.

Открываю заднюю дверцу и залезаю внутрь. Ты успеваешь схватиться за нее прежде, чем я ее захлопываю.

– Подвинься, Кларисса. Я еду с тобой.

Твоя голова и плечи уже внутри. Ты стоишь, изогнувшись, и дышишь на меня зубной пастой. Слишком много мяты; наверно, был еще и ополаскиватель. Несмотря на все старания, от моего спокойствия не осталось и следа.

– Он не со мной! Я не хочу, чтобы он садился в машину! – кричу я водителю, с которым ехала вчера утром.

– А ну, отстань от нее! Убирайся на хрен из моей машины, или я вызову полицию!

Моя мама постоянно говорит, что таксисты считают своим долгом защищать пассажиров: они знают, почему женщины готовы платить за такси. В ее представлении таксист – это обязательно высокий и крепкий мужчина, этакий герой-спаситель.

Мама часто оказывается права. С водителем мне действительно повезло. Правда, это женщина. Немолодая и невысокая, но решительная, твердая и бесстрашная на вид. Жесткие седые волосы, прекрасная стрижка. Я уверена, что ей и в голову не приходит их красить. Одета она в джинсы и оранжевый свитер из пушистой шерсти. Сейчас она совсем не похожа на ту милую, общительную женщину, которая вчера успела покорить меня за те несколько минут, что мы ехали до станции. Она открывает дверцу, всем своим видом показывая, что готова перейти от слов к делу.

Твоя голова и плечи выныривают наружу. Я захлопываю дверцу, водитель захлопывает свою, но ты не отходишь от машины и стучишь по крыше кулаком:

– Кларисса, за что ты со мной так?

Опустив стекло передней пассажирской двери, женщина что-то угрожающе кричит тебе, и мы трогаемся.

– Кларисса! Кларисса! Я этого не заслуживаю, Кларисса!

Я по-прежнему на тебя не смотрю. Я хочу сделать все как надо. Как написано в брошюрках. Боковым зрением я вижу, что ты бежишь за нами до самого поворота, натываясь на все встречные деревья и фонари. Я слышу, как ты выкрикиваешь мое имя. Таксистка вполголоса ругает тебя больным на всю голову уродом. Я приношу извинения за беспокойство, а она – за свой язык, и мы убеждаем друг друга, что здесь не за что извиняться, хотя нам обеим ясно, что это просто дань вежливости. Благодарю ее за помощь.

Перед тем как выйти из машины, я прошу у нее визитку. Мне нужны свидетели.

Несмотря на холод, у меня совершенно мокрая спина и потный лоб. И все же можно считать, что день начался по-настоящему удачно. С сегодняшнего дня я буду держать тебя под контролем.

Лечу по платформе в какой-то эйфории. Мобильник сообщает, что пришло новое сообщение; испуганно смотрю на экран – точно маленькая девочка, которая боится увидеть в темном зеркале чудовище, но все равно заставляет себя в него заглянуть. К моему изумлению, это Ровена: объявилась после долгого молчания. Она пишет, что вечером будет в Бате и что мы встречаемся с ней в одном французском ресторане, который Генри как-то раз называл отвратительным. Я там ни разу не была. Отвечаю, что приду, и шлю два поцелуя. Потом отключаю телефон и сажусь в поезд до Бристоля.

Очевидно, свидетельское место специально расположили так, чтобы занимающий его человек находился строго напротив присяжных. Но Клариссе все равно казалось, что женщина сидит ужасно далеко: между ними, в углублении наподобие оркестровой ямы, помещались двенадцать адвокатов в париках и черных мантиях. Чтобы посмотреть на свидетельницу, ей каждый раз приходилось вести взгляд через все эти головы.

Свидетельница напоминала эльфа – тоненькая и болезненно хрупкая, с высокими скулами, прямым точеным носиком, изящным подбородком, аккуратными ушками и мягко изогнутыми бровями. Губы как розовый бутон. Светло-русые волосы собраны в короткий хвост на затылке.

Однако чем больше Кларисса приглядывалась, тем больше видела странностей. Сначала она подумала, что женщине должно быть не больше тридцати; потом заметила истончившуюся, почти прозрачную кожу, жесткую линию рта, сетку морщин вокруг огромных зеленых глаз... все это никак не вязалось с ее предположением. Словно что-то ее неестественным образом состарило.

– Она похожа на тебя, – прошептала Энни. – Ей только волосы чуть отрастить, и будете как близнецы. Но это твоя бета-версия. Пожестче, чем ты.

«Зато помоложе, – подумала Кларисса. – Лет на десять».

Женщина отпила из стакана с водой, который принес ей пристав, и поблагодарила его слабым кивком. Бескровное лицо казалось едва ли не белее ее воздушной, не по сезону легкой блузки. Наверняка кожа под ней вся в мурашках. Голос женщины дрожал, когда она приносила присягу, а Библия прыгала в трясущихся руках.

– Вам не следует делать каких-либо выводов насчет обвиняемых на том основании, что мисс Локер отгорожена от них этим синим экраном, – заговорил судья. – В суде это обычная практика. Экран нужен, чтобы свидетель чувствовал себя более уверенно, только и всего.

Глядя снизу вверх на высокое судейское кресло, Кларисса согласно кивнула в ответ; остальные присяжные, повернувшись влево, сделали то же самое. Впрочем, в глубине души она не очень верила такому объяснению.

– Свидетелю требуется перерыв каждые сорок пять минут, – предупредил судья.

Женщина поблагодарила его кивком. Слушание началось. И хотя мистер Морден продолжал что-то говорить и даже задавал вопросы, он словно исчез, и все остальные тоже. Осталась только мисс Локер. Только ее голос.

– Позапрошлым летом я устроилась дилером у Айзека Спаркла. Мне нужны были деньги на наркотики. За первую неделю я скурила все, что мне дали. Денег не было. Я подумала, что если я постараюсь об этом забыть и больше с ним не встречаться, то все как-нибудь само уладится.

Двадцать восьмого июля, в субботу, я шла домой из магазина. Я думала украсть там что-нибудь, но в тот раз не вышло. На моей улице был припаркован белый минивэн – наполовину на дороге, наполовину на тротуаре. Когда я с ним поравнялась, спереди выскочил курьер Спаркла, Энтони Томлинсон, а сзади – сам Спаркл и его дилер Томас Годфри. Спаркл сказал: «Ташите ее в машину на хрен». Они схватили меня и затолкали внутрь. На заднем сиденье была Салли. Она работала на панели. Тоже употребляла. Минут через пять машина остановилась, и Годфри сказал ей выметаться. Сзади на дверях не было ручек. Салли пробралась между передними сиденьями, перелезла через Томлинсона и вышла из передней пассажирской двери. Я кричала, умоляла их выпустить меня вместе с Салли, но мы поехали на автостраду.

Годфри ударил меня по лицу и велел заткнуться. Потом взял зеленую одноразовую зажигалку. Поставил пламя на максимум. Поднес зажигалку к моей правой сережке. Она сразу нагрелась и начала жечь мне ухо. Я плакала. Умоляла его прекратить.

По дороге мы остановились и подобрали еще одного мужчину. Когда он залез в машину, то сказал: «Она здесь? Отлично». За рулем был Доулмен. Он ответил: «Нужно ее проучить как следует. Отодрать в задницу».

Меня привели в какую-то квартиру в бедной части Лондона. Там было очень холодно и не было электричества. Уличный фонарь давал немного света. Он был прямо за окном гостиной. Парень, подсевший по дороге, включил музыку на телефоне. Они стали орать, чтобы я раздевалась и танцевала. Я просила их не заставлять меня это делать. Годффри ударил меня в живот и сказал: «Быстро!» Я даже рыдать не могла – он перебил мне дыхание.

Дальше я разделась и начала танцевать. Я не могу передать словами, как это было униЗИтельно. Я чувствовала себя каким-то цирковым животным. Годффри сказал, что у него на меня не встает. Спаркл сказал: «Сейчас мы тебя научим, как себя вести! По методу моего папаши».

Они заставили меня встать на одну ногу и развести руки в стороны. Я все еще была голая. Они смотрели и обменивались восклицаниями, как на футбольном матче. Эй, гляньте, как у нее сиськи болтаются. Эй, зацените ее волосатую дырку. Я пыталась как-нибудь изогнуться, чтобы прикрыть себя, но они сразу били веником, когда видели, что мои руки опустились или нога касается пола.

Я очень хотела одеться. Хотела, чтобы они перестали меня разглядывать. И еще я долго не принимала героин и крэк – дольше, чем обычно, а от этого всегда начинаешь мерзнуть.

Они сказали, что одежду надо заработать отжиманиями. Что за каждые десять отжиманий я буду получать одну вещь – при условии, что успею надеть ее за десять секунд. Они считали хором, все вместе. Как только они доходили до десятой секунды, я снова должна была отжиматься. Я получила назад трусы, лифчик, джинсы и футболку. Правда, у меня не было времени, чтобы надеть их как следует.

После этого Томлинсон и Доулмен поехали в клуб. Мне велели сесть на стул. Годффри и парень, подсевший по дороге, легли спать на кушетке. Спаркл устроился на другом стуле. Входная дверь была заперта. Я сидела и не осмеливалась даже пошевелиться.

Около трех ночи Томлинсон и Доулмен вернулись. Томлинсон схватил меня под мышки, а Доулмен – за ноги. Они отнесли меня в спальню и бросили на постель. Доулмен стал снимать с меня джинсы и трусы. Томлинсон в это время крепко держал мои руки. Я просила их не делать этого, умоляла остановиться, но они не остановились. Они меня изнаСИловали.

Сначала Доулмен вошел во влагалище, а Томлинсон в рот. Потом они поменялись. Доулмен сказал, что, если я его укушу, он порежет мне лицо. Когда он кончил, то заставил меня это проглотить. Они все время держали меня, не давая вырваться.

Когда все закончилось, я сказала, что мне нужно в туалет. Томлинсон сказал: «Ладно, иди». У меня на лице была его сперма. Я вытерла ее джинсами и футболкой, которую они не стали с меня снимать. Мочиться было больно. В ванной не было горячей воды, не было мыла и полотенца. Я подмылась холодной водой и вытерлась джинсами.

Когда я надела трусы, они сразу стали влажными и горячими. В темноте ничего не было видно, и я испугалась, что это кровь. Я подумала, что если они опять заставят меня раздеться и заметят кровь, то начнут издеваться. Там стоял какой-то шкафчик. Я засунула трусы за него и надела джинсы, надеясь, что больше на мне нигде крови не осталось.

Мисс Локер закрыла лицо руками. Ее плечи сотрясали беззвучные рыдания.

Судья объявил присяжным, что все свободны до завтрашнего дня.

– Уведите обвиняемых, чтобы свидетель мог спокойно пройти, – распорядился он.

У Клариссы бешено колотилось сердце, словно перед ней только что прокрутили жуткий, отвратительный эпизод из какого-то фильма ужасов. Она знала, что у нее покраснело лицо. В глазах стояли слезы, но она не вытирала их, боясь, что кто-нибудь заметит это движение.

Она зашла в уборную высморкаться, потом забрала из шкафчика пальто, пролетела вниз по ступенькам и вырвалась за вращающиеся двери на улицу, подставляя лицо свежему морозу.

ному ветру. Не успела она пройти и двух шагов, как от здания суда медленно отъехала машина. Несколько секунд машина загоразивала тротуар: водитель ждал, пока можно будет повернуть налево. Сама не зная зачем, Кларисса заглянула внутрь. На заднем сиденье, сгорбившись и прислонившись к стеклу, рыдала Карлотта Локер. На мгновение она встретилась глазами с Клариссой, и в ее озадаченном взгляде как будто мелькнул проблеск узнавания. Затем машина мягко тронулась.

4 февраля, среда, 20:00

В ресторане мы с Ровеной обнимаемся. Ее грудь упруго отскакивает от меня, совершенно не сминаясь. Грудь стала явно выше и больше размера на два.

– Да, я бюстик увеличила, – сразу же заявляет Ровена, отвечая на мой молчаливый вопрос. Обсыпанное мерцающей пудрой декольте сверкает и переливается. – Мы носим свое тело каждый день. Нам должно быть в нем комфортно.

Ровена – индивидуальный предприниматель. Профессиональный дискурс-аналитик. Она исследует публичные заявления, рекламные слоганы, логотипы, а потом сообщает заказчику, какой смысл они несут на самом деле. Может, однажды ей пришлось анализировать рекламные буклеты клиники пластической хирургии? И она просто не смогла устоять?

– Если тебе тридцать восемь, то это еще не значит, что нужно выглядеть на все тридцать восемь, – говорит она, разглядывая в пудренице свое лицо с таким озабоченным видом, что я вспоминаю королеву из «Белоснежки» и ее жуткое волшебное зеркало. Сияющий, безукоризненно гладкий лоб не сочетается со ртом и щеками.

Ровена выглядит грустной и напряженной, и мне хочется ее немного подбодрить. Шутливо изумляюсь – как это удастся сохранять такую младенческую свежесть.

– Силой воли. Я не поднимаю брови и вообще до предела ограничиваю мимику. От нее как раз и образуются морщины.

«Ровена умом не отличается», – говорил Генри.

«Ум бывает разный», – отвечала я.

Генри тоже частый гость моих мыслей. Правда, не такой частый, как ты. Ты уже давно его обошел.

Несмотря на гололед и мороз, Ровена пришла на высоких каблуках. На ней сногсшибательное темно-бордовое бархатное платье без рукавов. Что странно: она никогда не стала бы так наряжаться ради меня. Говорю ей, что у нее красивое платье.

– Женщины обычно заботятся о своем внешнем виде, – отвечает она. Не сомневаюсь, что это камень в мой огород.

И это та самая Ровена, которая тайком одалживала мне свои любимые вещи, когда я хотела надеть что-нибудь, не сшитое моей мамой?

Незаметно разглядываю свое отражение в окне. На мне угольно-черное платье до колен: облегающий верх, узкие рукава, юбка годе до колена. Светлые волосы сколоты на затылке серебристыми фигурными заколками. Не то чтобы я забочусь о своем внешнем виде, однако допускаю такую возможность.

– Это не только для мужчин, – продолжает Ровена, опуская глаза на свой бюст. Кажется, ее переполняют эмоции; она так старается не двигать бровями, что у нее дрожат губы. – Это для меня. Я должна была подарить бюстик себе. Он у меня теперь даже не колышется. Стоит торчком, даже лифчик не нужен.

Я думаю об обвиняемых. О том, что они кричали мисс Локер. «Эй, глянь, как у нее сиськи болтаются!»

«Стоит торчком» – совсем не в ее стиле. Интересно, давно она так разговаривает?

А Ровена все не замолкает. Как будто хочет убедить себя, а не меня.

– Женщины в тренажерном зале всегда интересуются:

«А где вам делали лицо? А где вам делали бюстик?»

Словно речь идет о сумке или платье, которые каждый может сходить и купить.

Обвиняемые говорят «сиськи». Ровена говорит «бюстик». Я говорю «грудь». Я не знаю и не хочу знать, как говоришь ты. Но я точно знаю, что эти различия имеют значение.

– Я считаю, это шикарный комплимент. Попробуй хотя бы ботокс, Кларисса! Если ты в ближайшее время ничего не сделаешь, то однажды утром проснешься и обнаружишь, что похожа на сдувшийся шарик.

«Она с тобой совершенно не церемонится», – говорил Генри.

«Она говорит искренне», – отвечала я.

«У вас нет ничего общего», – говорил Генри.

Быстро моргаю несколько раз, словно это может помочь мне прояснить зрение и вернуть ту Ровену, которую – как мне казалось – я знала. Ее нынешняя версия наверняка посоветовала бы Генри сделать пересадку волос. Представляю его реакцию: недоуменно-презрительно изогнутая бровь. По-моему, Генри и так красивый. Правда, мне теперь об этом рассуждать не положено: ведь он больше не мой.

– Я подумаю об этом. Ну а ты как, восстановилась после операции?

– Единственный минус – я больше не чувствую свои соски, – отвечает Ровена с легкой усмешкой человека, севшего на диету и отказавшегося от шоколада, который и раньше особо не любил.

Изо всех сил стараюсь скрыть эмоции. Я чувствую жалость и ужас от мысли, что она сама решила себя покалечить. Сама лишила себя удовольствия.

– Рубцы выглядят кошмарно, но хирург уверяет, что все заживет, – продолжает она.

И это та самая Ровена, которая плавала в море, закрыв глаза и напевая себе под нос? Качалась на волнах, воображая себя русалкой?

Я представляю себе ее соски, пришитые, как пуговицы, и окруженные темным ореолом. Мои собственные отзываются легким покалыванием.

– Конечно, заживут. Ясно, что тут просто нужно время.

– У тебя круги под глазами, – отвечает Ровена, внимательно изучая мое лицо. – Их нужно убрать. Тебе надо сделать подтяжку век, это очень омолаживает. Твоя самооценка резко поднимется. Когда те, с кем ты работаешь, замечают, что ты выглядишь усталой, они начинают думать, что ты и в самом деле устала. Что ты плохой специалист. Что ты не справляешься.

«Многие женщины предпочитают не рассказывать другим о том, что с ними происходит».

Я закусила губу.

– Я плохо сплю в последнее время. Из-за одного мужчины.

– О-о-о, я хочу слышать о нем все! – Она меня не так поняла. – Надеюсь, это может подождать?

– Ну конечно, – отвечаю я.

«Она всегда говорит только о себе. Ты ее не интересуешь», – говорил Генри.

«Да, но я не хочу ее потерять и поэтому скрываю от нее кое-что важное. Как она может мной интересоваться, если я толком ничего не рассказываю о своей жизни?» – отвечала я.

Оба бывших мужа Ровены говорили ей, что не хотят детей. Оба бросили ее и завели детей с другой женщиной. Она бы никогда меня не простила, если бы узнала, что я отбила Генри у жены. И расвирепела бы, услышав о наших попытках завести ребенка. Генри был в курсе и всегда меня прикрывал, хотя и ворчал, что дружба у нас в одни ворота.

– Я все думаю насчет лица, – говорит Ровена, в очередной раз придирчиво изучая себя в зеркальце. – Правильно ли я поступила?

Я смотрю, как она пудрит лоб. Кажется, раньше ее брови были ниже. Может, эта страсть к искусственной красоте возникла из-за неудачных браков?

– Совершенно правильно, даже не сомневайся! Ты похожа на звезду американской мыльной оперы!

Она даже почти улыбнулась. По-моему, ее губы тоже увеличились.

– Главное – чтобы ты была счастлива. Если так ты чувствуешь себя уверенней, то, значит, все правильно. Это показатель.

Ровена энергично кивает в знак согласия:

– Да, теперь оно у меня подтянутое и моложавое. И рельефное.

Генри бы сейчас картинно закатил глаза, но я так не сделаю. Официант провожает нас за столик в углу. В полумраке я не сразу замечаю развешанные по стенам изображения обнаженных женщин – псевдо-ар-деко. Мой взгляд останавливается на какой-то танцовщице. Я снова вспоминаю о подсудимых и думаю о том, как они заставили мисс Локер раздеться и забавлять их.

– Почему ты выбрала именно это место? – спрашиваю я.

– Я не выбирала.

– А кто же тогда?

Ровена не отвечает.

– Как ты думаешь, оно выглядит естественно? – спрашивает она дрогнувшим голосом, от которого у меня сжимается сердце.

Дрожащее пламя свечи придает ее застывшему лицу некое подобие выразительности. Но меня пугают эти чересчур рельефно выступающие скулы. Что ей туда закачали? Вдруг это опасно?

– По-моему, да. Ты как будто побывала в шикарном спа-салоне.

– Я считаю, что мы в любом возрасте обязаны хорошо выглядеть.

Накрываю ладонью ее унизанную драгоценностями руку, пытаюсь привлечь к себе внимание:

– Я должна тебе кое-то рассказать. Кое-что ужасное.

Ровена бросает взгляд в сторону входа. В ту же секунду – словно кто-то нажал выключатель – у нее на лице загорается белоснежная, лучезарная киноулыбка, которую она даже не пытается сдерживать.

Отпиваю глоток и оборачиваюсь.

Вода застревает у меня в горле. Французский джаз завывает все громче и громче. Темнота в зале как будто сгущается. Наверно, они что-то сделали со светом? Я не могу объяснить то, что вижу.

Я вижу тебя. Твои ноги, размашисто шагающие ко мне как ни в чем не бывало.

Но ведь все было спокойно! Никаких признаков твоего присутствия! Ни возле дома. Ни возле ресторана, когда я выходила из такси. Как ты узнал, что я здесь? Об этом знала только Ровена!

Ты сияешь. Прямо-таки лучишься счастьем. Мне вдруг становится грустно оттого, что именно я должна разрушить твою сумасшедшую радость. Ты заставляешь меня делать это снова и снова. Неужели не видишь, как я устала? Неужели ты сам не устал?

Твои губы шевелятся, но я не понимаю, что ты говоришь. Наклонившись к Ровене, ты целуешь ее в обе щеки.

– Н-н-не т-т-трогай ее! У-у-у-убирайся отсюда! – заикаюсь я, хотя у меня никогда в жизни не было заикания.

– Рэйф поужинает с нами, – говорит Ровена и отодвигает для тебя соседний стул.

Рэйф? Откуда она вообще знает твое имя? Это просто абсурд какой-то.

– Ни за что!

– Это я его пригласила, – отвечает она и берет тебя за руку. Ты высвобождаешься, но она этого, похоже, не замечает. – Присаживайся, Рэйф.

После своего выкрика я уже была готова сорваться с места. Но я не могу оставить тебе Ровену, а она явно не настроена вот так внезапно уйти вместе со мной.

– Ну, если ты этого хочешь...

Официант пытался забрать у тебя пальто, но ты не позволил; теперь ты вешаешь его на спинку стула. Ты, конечно, не хочешь, чтобы кто-нибудь заглянул в твои карманы и увидел то, что там лежит. И потом, твои вещи должны быть рядом на случай, если я сбегу, чтобы ты мог тут же схватить их и броситься за мной.

– Но я не понимаю... – Я неотрывно смотрю на Ровену, словно она спасательный круг, до которого мне нужно дотянуться.

– Мы хотели сделать тебе сюрприз, – отвечает она, поправляя свои тщательно покрашенные каштановые волосы.

Приказываю себе думать. Я обязана догадаться, как ты вышел на Ровену. Кажется, поняла: это все из-за той церемонии награждения успешных бизнес-леди. Восемь лет назад. Ровена тогда уже рассталась с первым мужем, поэтому с ней пошла я. Когда объявили ее имя, я так сильно хлопала, что у меня ладони заболели. А потом весь вечер так широко улыбалась, что даже челюсть заныла. Они сфотографировали нас вместе и поставили на снимке наши имена. Этот снимок – единственное, что выдает Интернет в ответ на запрос с моим именем.

– Мы думали, ты будешь в восторге оттого, что мы знакомы, – продолжает она обиженно.

Ужас, который ты у меня вызываешь, пересиливает мою обычную готовность утешать и подбадривать Ровену.

– Но как? – Мне ничего не видно, в этой дурацкой темноте все расплывается. – Как вы познакомились?

– Ну, офлайн мы впервые встретились сегодня за обедом. Но переписываемся уже два месяца. Просто удивительно, как иногда сближает Интернет! – Она отсылает подошедшего официанта. – Рэйф подписан на мой бизнес-блог. И рекомендует его своим студентам, потому что хочет повысить их профессиональную востребованность на рынке. Он прочитал о моих творческих планах у меня в профайле и решил со мной связаться. Теперь он дает мне советы насчет мемуаров, которые я всегда мечтала написать.

Кровь стучит у меня в висках.

– Это называется виртуальное преследование!

– Зачем все передергивать? Паранойя какая-то. – Она поворачивается к тебе: – Кларисса просто неудачно выразилась.

– Нет, удачно!

Я вижу только неясные тени. Мотаю головой, чтобы там немного прояснилось. Потом заставляю себя взглянуть тебе прямо в лицо. Ненавижу это делать.

– Ты ни черта не знаешь о мемуарах. Ты просто литературный критик, – последние два слова я выговариваю так, будто это самое страшное оскорбление.

– У меня много талантов, о которых тебе пока неизвестно, Кларисса.

Ну вот, опять. Ты опять используешь мое имя вместо точки. В каждом предложении. Ты маньяк. Неужели Ровена не видит, как это нелепо? У меня вырывается короткое рыдание.

– Ровена, он тебе не нужен! Ты можешь пойти на писательские курсы. Он использовал тебя, чтобы подобраться ко мне!

– Не надо думать, что все вертится вокруг тебя! Удивительная самонадеянность. – Вот она наконец, настоящая, без жеманства, Ровена, в этой вспышке гнева. – Чтобы не сказать, нелепая. Мы с Рэйфом всего пару недель назад обнаружили, что оба тебя знаем.

Зажмуриваю глаза, потом снова открываю их. Плевать, как это выглядит со стороны.

– Какое совпадение!

– Не правда ли, Кларисса? – отвечаешь ты.

– Мы так о тебе беспокоимся, – продолжает Ровена.

– Очень беспокоимся, – подпеваешь ты.

– А он не рассказал тебе про сегодняшнее утро? Про то, как караулил меня у дома, прекрасно зная, что я не желаю его видеть? Про то, как таксистка пригрозила ему полицией?

Ты печально качаешь головой, изображая боль и непонятость. Ты фальшив насквозь – это видно даже сквозь плотный туман, в который погрузился этот мерзкий зал.

– О, Кларисса, – повторяешь ты. – О, Кларисса! Как ты могла подумать такое!

Я едва удерживаюсь, чтобы не схватить кувшин и не выплеснуть всю воду со льдом тебе в лицо.

– Рэйф переживает за тебя. – Рука Ровены касается твоей. – Вот почему я здесь.

Значит, это благодаря тебе она объявилась после двухлетнего молчания? Какая ирония...

Ровена смотрит на меня неодобрительно:

– Он сказал, что в последнее время ты сама на себя не похожа, что ты странно ведешь себя на работе, и я попросила его присмотреть за тобой, пока я не приеду. Вот уж не думала, что ты встретишь его так грубо!

Кровь стучит у меня в голове. С ужасом осознаю, сколько времени у тебя ушло на подготовку; сколько усилий ты потратил, чтобы все заранее спланировать, сколько лгал, манипулировал и с каким напряжением заставлял себя спокойно ждать сегодняшнего вечера. Ровена оказалась идеальной жертвой: она уязвима и несчастна, она страдает, и это страдание написано у нее на лице и выгравировано на новенькой груди. Ты ухаживал за ней. Очаровал ее. А потом заставил плясать под свою дудку.

«Если у вас есть общие друзья, он будет настраивать их против вас. Он может просто отрицать все ваши обвинения, а может сам обвинить вас в неадекватном поведении по отношению к нему».

Ты как будто прочитал все брошюры о преследовании. И теперь используешь их против меня. Ты познакомился с Ровеной, чтобы у нас появились общие друзья.

Я чувствую комок в горле. Но зрение проясняется.

– Все совсем не так!

На твоём лице самодовольная ухмылка. Еще бы: женщины из-за тебя сцепились! Ты загнал меня в угол, и я больше не могу не обращать на тебя внимания. Я просто вынуждена смотреть на тебя и разговаривать с тобой. Из-за тебя мне пришлось нарушить обет молчания, а ведь я дала его только сегодня утром!

– Как ты можешь мне не верить, Ровена?

Если даже моя подруга верит тебе больше, чем мне, если даже она считает твою версию убедительной, – значит, у меня нет никакой надежды. Как и у мисс Локер. Полиция никогда не воспримет меня всерьез.

У тебя во рту оливка. Ты обсасываешь ее, пристально глядя мне в лицо. Потом неторопливо и чувственно вынимаешь изо рта косточку. На губе поблескивает капля масла. Меня передергивает. Быстро отвожу глаза, проклиная свое вдруг ставшее чересчур острым зрение.

Ровена хлопывает меня по руке:

– Давай сменим тему, Кларисса. Начнем вечер заново! Ты ведь всегда побуждала меня к творчеству? Ну так вот, для начала я решила написать о своем детстве. Рэйф меня уговорил. Я подумала, тебе будет приятно. Я рассказала ему, чем мы с тобой любили заниматься, когда были подростками. Сейчас я как раз пишу о том, как тебя тогда на набережной девчонка ударила. Помнишь мерзкую полисменшу, которая тебя допрашивала?

Я дрожу, несмотря на шерстяное платье и горячую батарею за спиной. По рукам бегают мурашки. Тот, с кем я ни за что не стала бы откровенничать, во всех подробностях знает историю, которой я никогда бы ни с кем не поделилась. Открываю было рот – но не могу произнести ни звука.

– Весь секрет в том, чтобы писать максимально откровенно, – щебечет Ровена, ничего не замечая. – Вот чему учит Рэйф. Помнишь, как я привела тебя домой и помогала прийти в себя?

– Конечно, помню, – отвечаю я спокойно. – Никто не сумел бы помочь мне лучше, чем ты.

– Ты пишешь великолепно! Кларисса будет гордиться тобой, когда прочитает.

Пнуть бы тебя так, чтобы под стол свалился. Жаль только сапоги об тебя марать. И потом, я не собираюсь помогать тебе убеждать Ровену в том, что у меня с головой не все в порядке. К моему удивлению, ты встаешь. На секунду меня охватывает отчаянная, безрассудная надежда: я на самом деле верю, что ты сейчас уйдешь. Но это, конечно, невозможно. Ты просто идешь в бар.

Я чувствую себя так, словно Ровена показала тебе мое нижнее белье. Но, если я хочу до нее достучаться, надо держать себя в руках. Я набираю в легкие воздуха, как только ты отходишь за пределы слышимости.

– Я не хочу, чтобы ты обсуждала меня с ним. Пожалуйста, не надо!

– Но это моя биография! Просто ты тоже в ней оказалась. Ты не имеешь права мне указывать.

– Ты, может, и хочешь его видеть, а я нет. И на этот счет я выразилась абсолютно ясно. Любой нормальный мужчина на его месте проявил бы уважение к моим желаниям, неужели ты не понимаешь?

Она не отвечает. На секунду мне кажется, что она со мной согласна: у нее краснеют уши, а это происходит всякий раз, когда она расстроена. На красном фоне около ушей белеют шрамы. Отвожу глаза. Не хочу, чтобы она заметила, как я ее разглядываю.

– Он обманом заманил меня сюда. Я бы ни за что не пришла, если бы ты предупредила меня, что он тоже будет. И он прекрасно это знал. Тебе не кажется странным, что он попросил тебя хранить это в секрете?

Она колеблется; но потом одним махом отметаает все сомнения на твой счет, которые у нее наверняка начали зарождаться.

– Нет, – отрезает она.

Не хочу этого говорить. Но мне придется.

– Ты его совершенно не интересуешь.

Ее глаза недоверчиво округляются.

– Ты, кажется, думаешь, что все мужчины на свете в тебя влюблены! – выкрикивает она трясущимися от ярости губами. – Но всех ты не уведешь!

Она вполне могла догадаться насчет Генри. Или узнать все от тебя. Вероятно, ты просто упомянул об этом вскользь, как бы к слову, – это в твоём стиле.

Стараюсь говорить как можно мягче. Как можно спокойнее.

– То, что он делает, – это не любовь, а что-то абсолютно противоположное. Он как будто пытается меня присвоить. А сейчас он хочет украсть у меня еще и тебя.

– Я тебе не принадлежу, так что украсть меня нельзя. Мне кажется, что я тебя совсем не знаю. Сплошные секреты. Ты столько лет не была со мной откровенна! – с надрывом говорит она.

– Я знаю, Ровена. Я очень сожалею. И так хочу загладить вину! Чтобы нас снова ничего не разделяло! Но сейчас для меня главное – не обидеть тебя. Только поэтому я до сих пор здесь, хотя на самом деле хочу только одного: бежать отсюда со всех ног. И он это знает. Ради чего все и устроил.

Ровена отдергивает руку.

– Как благородно и самоотверженно с твоей стороны, – холодно отчеканивает она. – Он тебе не нужен? Тогда отдай его мне.

– Но он опасен! Из-за него моя жизнь превратилась в ад! Именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Знаешь, мне очень непросто кому-то довериться. Я могу прямо сейчас

вызвать полицию и заявить на него – при условии, что ты меня поддержишь. Но ты ведь этого не сделаешь?

– Кларисса, не истери. Он же наш гость! У тебя точно что-то с головой. Я лично собираюсь узнать его получше.

– Ты понятия не имеешь, на что он способен! Он использует тебя, чтобы шпионить за мной.

– Ты эгоистка, каких поискать!

Ты возвращаешься. Вместе со своей ухмылкой.

– Персиковый «Беллини»! – гордо объявляешь ты. – Коктейль дня. Здешний бармен просто великолепен, поэтому я и предложил сюда пойти.

Ровена снова расцвела:

– Обожаю «Беллини»!

Ты и правда вскружил ей голову. Пытаюсь увидеть тебя ее глазами. Генри называл тебя фиглиаром, хотя и признавал, что студентки время от времени на тебя западают. Сегодня ты пришел в черных джинсах и темно-синей рубашке навывпуск. Ночная синь. Мой любимый оттенок синего. Мне действительно нравится, как ты одет. Я вдруг понимаю, что иногда так одевался Генри. Ты копируешь его, причем вполне осознанно.

Ты ставишь на стол два коктейля. Себе ты принес бутылку французского пива.

– Почему бы нам всем не повеселиться как следует?

Ну, ты-то сам уже вовсю веселишься. Такого веселья у тебя, наверно, с ноября не бывало.

– Надеюсь, тебе коктейль тоже понравится, Кларисса.

Ты смотришь мне в лицо и тут же переводишь взгляд на рисунок, который висит у нас над столом. Обнаженная женщина сидит на табуретке; колени сведены, иначе это выглядело бы вульгарно. Весь ее наряд составляют чулки с поясом и туфли на высоких каблуках. На коленях лежит хлыстик. Ты указываешь на картину, изобразив на лице крайнюю степень смущения:

– О, простите. Я совсем забыл, какой здесь антураж.

Мы оба знаем, что тебя заводит эта прилюдная порнография. Что ты теряешь голову, когда видишь меня в окружении подобных картин. Вот почему ты предложил сюда пойти.

– По-моему, это очень красиво. Изысканно, – говорит Ровена и протягивает руку к бокалу.

Я снова спрашиваю себя, что за вино ты дал мне выпить тогда, в ноябре.

– Ровена, не пей!

Пытаюсь схватить Ровену за руку, но она уворачивается. Пытаюсь еще раз – и получаю болезненный шлепок по запястью. Бокал уже у нее. Начинается неловкая возня, и мне удается вылить весь ее персиковый «Беллини» в корзинку с подсушенными кусочками багета.

– С ума сошла?? Не могу поверить, что ты это сделала! – восклицает она.

– Думаю, Кларисса плохо себя чувствует. Ей требуется наша поддержка и понимание, – отвечаешь ты, сделав скорбное лицо.

– Врачебная помощь, вот что ей требуется!

Забираю второй бокал с «Беллини». Нельзя оставлять его на столе: из-за меня Ровена решила выпить его во что бы то ни стало. Хватаю со стула сумку и пальто. По твоему примеру – и по твоей вине – я тоже стала держать свои вещи рядом, чтобы иметь возможность ускользнуть в любой момент. Что делать – сбежать из ресторана? Ты кинешься следом, и в конечном итоге я окажусь наедине с тобой на темной улице. Есть только одно место, где я смогу спрятаться, вызвать такси и спокойно его дожидаться. За несколько секунд у меня созревает примерный план действий. Придется еще раз самой с тобой заговорить. Но сейчас это не опасно. И потом, другого выхода я все равно не вижу: ведь здесь Ровена.

Ты тоже начинаешь подниматься. Предостерегающе выбрасываю вверх ладонь, как полицейский:

– Не смей меня преследовать!

Мой запрет ты, разумеется, проигнорируешь. По-другому просто не бывает. Я говорила слишком громко; на нас уже смотрят. Полушепотом прощаюсь с Ровеной. Она не отвечает. Бросаюсь к винтовой металлической лестнице, которая ведет на нижний этаж, к уборной.

Перед входом в туалет висит очередная порнография – все в том же стиле псевдо-ар-деко. На этот раз женщина и мужчина изображены вместе: намек на то, что туалет общий. Оба обнажены, как на всех этих картинках. Он стоит, глядя на нее сверху вниз; она опустилась на колени, лицом к нему и спиной к зрителю. Ее голова загораживает середину его туловища.

Освещение по-новомодному тусклое. Я опять почти ничего не вижу. Направляюсь в кабинку, по дороге швыряю бокал с «Беллини» в хромированную раковину. Дверь в кабинке сплошная, от пола до потолка. Ты не сможешь пролезть под ней или заглянуть ко мне сверху. Набираю номер такси. Диспетчер сообщает, что машина будет в течение десяти минут. Я просижу здесь ровно девять.

Выхожу из кабинки и – как и ожидалось – вижу тебя. Ты стоишь, загораживая выход. Тошнотворно-сладко горят ароматические палочки; их дым не дает мне дышать, а ты заслоняешь последние остатки света. В голове стучит – то ли оттого, что приходится напрягать зрение, то ли из-за удушающего ядовитого тумана с синтетическим жасминовым запахом. Успокаиваю себя тем, что водитель такси приедет с минуты на минуту. Он будет искать меня; и потом, сюда и так могут зайти в любой момент. Я подумала об этом, прежде чем спуститься, и знаю, что ты не посмеешь совершить что-то из ряда вон выходящее. И все же я не хочу сидеть здесь до тех пор, пока меня не обнаружат. Эту сцену я продумала очень тщательно. Я оставила себе минимум времени – ровно столько, сколько требуется, чтобы высказать все то, что не предназначено для ушей Ровены.

Приступаю к делу:

– С Ровеной я больше общаться не собираюсь. Можешь обхаживать ее сколько влезет – мне все равно. Ты не сможешь подобраться ко мне через нее.

Я знаю тебя. Я уверена, что Ровене ничего не угрожает. Она сама вешается тебе на шею, а такие женщины тебя не интересуют. Тебе нравятся те, которых от тебя тошнит.

– Я хочу любить все, что любишь ты, Кларисса. Я хочу подружиться с твоими друзьями, хочу помочь Ровене. Ради тебя, Кларисса. Я интересуюсь Ровеной потому, что она тебе нравится. Не надо ревновать!

– Я не... – Твои последние слова настолько нелепы, что я автоматически начинаю спорить. Каким-то чудом мне удастся остановиться.

Начинаю снова. Стараюсь говорить предельно холодно и равнодушно:

– Нас с Ровеной больше ничего не связывает. Слишком много времени прошло. Она мне уже не нравится. Более того, теперь она мне даже неприятна.

Не успев произнести эти предательские слова, я уже готова от них отказаться. Но не имею права, как бы мне ни было горько. Сейчас я не могу помочь ей по-человечески, как обычная подруга; и она мне тоже – и все из-за того, что она попала в твои сети. Эти слова – единственное, что я могу для нее сделать. Я должна убедить тебя, что ты больше в ней не нуждаешься, хотя сомневаюсь, что она меня за это поблагодарит.

Делаю шаг в твою сторону:

– Уйди с дороги!

Никакого эффекта.

– Если ты сейчас же не отойдешь, мне придется тебя заставить! – угрожаю я, понимая, как глупо это звучит. Мы оба знаем, что я ничего тебе не сделаю.

– Ты очаровательна, когда злишься, Кларисса, – отвечаешь ты, снисходительно улыбаясь.

Нашупываю за спиной стеклянный флакон с жидким мылом. Он довольно тяжелый и такой же нелепый, как и все остальное в этой идиотской мегаультрасовременной общей уборной, которая, наверно, призвана создавать романтический настрой.

– Обожаю, когда ты меня ревнуешь, Кларисса. Я хочу целовать тебя. Хочу вытащить эти заколки и зарыться пальцами в твои волосы. Покажи мне, что у тебя под платьем, Кларисса.

Угрожающе выставляю перед собой флакон. Ты хочешь во весь голос.

– Я ведь тебя знаю, Кларисса! Ты никогда не причинишь мне вреда!

Мои пальцы больше мне не подчиняются. Я выпускаю флакон, он летит на выложенный однотонной плиткой пол и разрывается там, как бомба. В ту же секунду дверь распаивается и бьет тебя по спине. Заходит Ровена; потеряв равновесие, ты беспомощно скользишь по мыльно-стеклянному месиву. Тебя спасает раковина, за которую ты судорожно цепляешься. До сих пор все происходящее походило на сюрреалистический кошмар, но твой импровизированный акробатический номер, исполненный в дуэте с Ровеной, превратил его в тупое реалити-шоу.

– Ровена, мне пора идти, – говорю я.

На секунду ее лицо смягчается. На глаза наворачиваются слезы; она как будто не знает, что сказать.

– Никто тебя не держит, – наконец отвечает она.

Я, пошатываясь, взбираюсь по спиральной лестнице, выхожу из ресторана и сажусь в такси. Губы соленые; оказывается, я плачу. Наверно, я кусала их, потому что от слез их больно щиплет. Я потеряла Ровену. Она сама себя потеряла. Я поняла это через пять минут после нашей встречи – еще до того, как ты пришел и сделал то, что сделал. Но из-за тебя мне ее уже не вернуть.

Четверг

5 февраля, четверг, 8:02

Спускаюсь в холл. На коврик под дверью дожидается очередной конверт. Ты просунул его в щель для почты – очевидно, очень рано, так что мисс Нортон не услышала. По крайней мере, ты не явился лично.

Такси, набирая скорость, зигзагами спускается с холма. Звоню Ровене в отель. Сегодня она уезжает в Лондон. Надеюсь, там ты ее не достанешь: слишком далеко. Правда, от меня она тоже будет слишком далеко.

– Ну, что еще? – отвечает она невнятно.

– Это я.

– Его здесь нет, если ты за этим звонишь. В ресторане он вчера не задержался. Пробыл ровно столько, сколько требуется, чтобы сообщить, что он больше не может помочь мне с биографией и вынужден прекратить наше общение, поскольку не хочет вставать между лучшими друзьями.

Вот только ты уже это сделал: Ровена швыряет трубку на рычаг. Я слышу короткие гудки.

По крайней мере, теперь я знаю, что с ней ничего не случилось. Ты от нее отстал – как я и предполагала. Уже получил от нее все, что хотел. Вытянул все, что возможно.

Разрываю твой конверт. Внутри – два билета на балет, на сегодняшний вечер. И письмо:

Я чувствую, что ты расстроена, Кларисса. Я знаю, ты не хотела меня задеть, не хотела говорить все эти ужасные вещи. Я лишь пытаюсь сделать тебя счастливой. Я думал, вчерашний вечер станет для тебя особенным. Думал, ты будешь рада снова встретиться с подругой. Теперь мне ясно, что я жестоко ошибался. Обещаю тебе больше никогда не видеться с Ровеной. Прошу, позволь мне загладить свою вину и сводить тебя развлечься –

тебя одну. Я весь вечер буду в твоём полном распоряжении. Никаких третьих лишних, только ты и я. Я знаю, тебе понравится «Золушка» Прокофьева. У нас так много общего, Кларисса! Встретимся в фойе в семь вечера, выпьем немного. А после балета поужинаем. Постарайся не забыть билеты!

С любовью, Рэйф.

Даже не знаю, что можно возразить на этот сумасшедший бред. Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Слышишь, как я снова и снова повторяю слово «нет»? Видимо, оно пролетает мимо твоих ушей. Твоя голова постоянно занята безумными, извращёнными умозаключениями, которыми ты делишься со мной с чудовищной откровенностью.

Ты, наверно, перерыл все мои диски, когда был у меня. Потому что ты прав: я обожаю этот балет. Но ты и представить себе не можешь, как я возненавижу его, если пойду туда с тобой. Если бы на твоём месте был другой, все это казалось бы таким милым... таким романтическим... Но ты не другой. Ты – тот, кто использовал мою подругу детства и настроил ее против меня. В твоих руках эти билеты – оскорбление, а не подарок. В глубине души ты ведь знаешь, что не будешь сидеть со мной весь вечер в театре, правда?

И все-таки мне страшно. Что ты сделаешь, когда занавес поднимется и станет ясно, что я уже не приду? Я представляю, как ты ждешь меня, стоя посреди выложенного плиткой фойе, и смотришь на себя в зеркало в золоченой раме; как ты огорчаешься и злишься, видя, что я не появляюсь; как билетер за стойкой смотрит на тебя и догадывается, что тебя кинули.

Ты ведь тоже был когда-то ребенком. Что же случилось? Что сделало тебя таким?

– Вы в состоянии сегодня продолжать, мисс Локер?

Мистер Морден этим утром выглядел особенно грустным и озабоченным. Его голос звучал мягко и предупредительно.

Обвиняемые неподвижно сидели за лоснящейся деревянной загородкой, глядя прямо перед собой безо всякого выражения. Их стулья были обиты ярко-синей тканью – такой же, как и у присяжных и адвокатов. Синий цвет был повсюду; лишь судейское кресло выделялось своей темно-коричневой кожей.

– Спасибо, все хорошо, – ответила мисс Локер таким тоном, словно кроме них в зале больше никого не было.

На самом деле у нее очень приятный и мелодичный голос, отметила Кларисса.

– Я знаю, что вчерашний день дался вам чрезвычайно тяжело. Расскажите, пожалуйста, суду, что произошло потом.

Волосы мисс Локер были собраны в два хвостика, как у маленькой девочки. Она подергала один хвостик.

– Потом я вернулась в спальню, – начала она твердо и без малейшего смущения в голосе. – Я знаю, это может показаться странным. Снова лечь в постель к двум мужчинам, которые тебя только что изнасиловали... Но я боялась, что если не вернусь, то они пойдут меня искать, и тогда будет только хуже. Я легла на самый краешек постели, обхватила себя руками и сжалась в комочек. Вы не представляете, как там было холодно. Они завернулись в одеяло, и мне достался только маленький его кусочек. Я боялась, что если начну выдергивать из-под них одеяло, то разбужу их. Я чувствовала себя совершенно измотанной. Я очень хотела спать, но никак не могла унять дрожь. Так и лежала без сна всю ночь. Потом наступило утро. Вошел Спаркл, остановился на пороге. И рукой поманил меня в гостиную.

11 ноября, вторник, 9:00 (три месяца назад)

Я с трудом вырываюсь из кошмарного сна. Помню, что металась в темноте, пытаюсь найти выход. Уже утро. Вчера была презентация твоей книги. Я лежу на боку в своей постели, спи-

ной к тебе. Ты прижимаешься ко мне сзади, и твое тело повторяет контуры моего. Я чувствую твою эрекцию; твоя ладонь, как присоска, приклеилась к моей груди. Ты целуешь меня в шею и шепчешь, что смотрел, как я сплю. Выпутываюсь из твоих рук, вцепившихся в меня, словно клещи, хватаю с пола платье и, кое-как прикрывшись им, бросаюсь в ванную. Меня рвет. Держусь за раковину, чтобы не упасть. Потом замечаю свои ноги. Вернее, красные отметины с каплями запекшейся крови на внутренней стороне бедер. Завтра они превратятся в синяки. Не хочу думать, откуда все это взялось. Сильно болят глаза и губы. Кожа на лодыжках и запястьях горит огнем. Я смотрю на свои тусклые, свалевшиеся волосы и решаю мыться в темноте. Выключаю свет и залезаю под горячий душ. Мою голову шампунем. Отмываю каждый дюйм своего тела. От воды ноги щиплет. Чищу зубы – сначала щеткой, потом зубной нитью. Челюсть болит. Последнее, что я помню, – это как ты снял с меня платье. Дальше провал. Дверь ванной заперта; ты периодически стучишься и что-то спрашиваешь озабоченным голосом. Я не отвечаю. В обед выясняется, что мне срочно нужно к врачу за антибиотиками против инфекции мочевого пузыря. Следующие три дня я болею. У меня раскалывается голова. Меня постоянно рвет – мучительно, до желчи. Я все сплю и сплю и никак не могу отоспаться.

Мисс Локер начала задыхаться. Ее лицо стремительно и страшно побледнело. При таком освещении это было особенно заметно: белый свет лился сквозь стеклянный купол потолка и сквозь окна за спиной Клариссы – расположенные слишком высоко, чтобы в них выглянуть. Других окон в зале номер двенадцать не было. Он напоминал танцевальный: вероятно, когда-то здесь действительно устраивали танцы.

– Простите. Мне нужен перерыв. Простите, – повторяла мисс Локер.

Они ждали в примыкавшем к залу маленьком предбаннике без окон.

– Она не вернется, – сказала Энни.

– А я уверена, что вернется! – мягко возразила Кларисса.

Энни повертела в пальцах блестящую черную прядь, закатила обманчиво кроткие глаза и вытянула губы трубочкой. При искусственном освещении ее кожа цвета слоновой кости казалась почти желтой.

– Хотя ты, наверно, права, – поспешно добавила Кларисса. – Ты ведь все время наблюдаешь, а я только и делаю, что пишу. Скоро уже блокнот закончится. Мне кажется, я упускаю что-то важное.

Ангельское, младенчески-пухлое лицо в форме сердечка немного смягчилось. Энни постучала пальцем по миниатюрному хорошенькому подбородку.

– Интересно, а на что она рассчитывала, когда краля наркотики?

Кларисса вытащила из сумки японский журнал выкроек. Ей очень понравилась ночная сорочка с запахом на лифе, и у нее даже был подходящий шелк лилового цвета. Она подумала, что сошьет две сорочки и одну подарит Ровене – после того как навсегда избавит ее от Рэйфа.

– Моя жена тоже шила, – услышала она и тут же покраснела от мысли, что обладатель голоса мог видеть, какую выкройку она разглядывала.

Она захлопнула журнал. Со стула напротив смотрел высокий мужчина – тот самый, который сидел перед ней в зале суда. Ей нравились его каштановые волосы, коротко остриженные, – она даже предположила, что он служит в армии. В последние два дня эти волосы постоянно находились у нее перед глазами; ей казалось, что на ощупь они должны быть очень жесткими.

– А теперь не шьет?

Его подбородок – квадратный, волевой, совсем не такой, как у Генри, – едва заметно дернулся. Ей показалось, мужчина раздумывает над ответом; впрочем, на самом деле молчание вряд ли было таким уж долгим.

– Она умерла два года назад.

– О... мне очень жаль!

Его звали Роберт. Не успела она назвать свое имя, как дверь в зал суда распахнулась и пристав пригласил их внутрь. Кларисса встала, собираясь последовать за остальными.

– Вы забыли, – прозвучал голос Роберта у нее за спиной.

Она обернулась. Роберт протягивал ей японский журнал выкроек. На обложке был нарисован платяной шкаф; на дверце висела та самая ночная сорочка, которую она выбрала, – безумно красивая, хотя и чересчур открытая. Широкая ладонь закрывала почти всю картинку.

Закусив губу, она с наигранной досадой покачала головой и в ту же секунду поймала себя на том, что любуется его губами, размышляя, до чего они симметричны и совершенны – не слишком большие, не слишком маленькие, не слишком красные и не слишком бледные, а как раз такие, как нужно. А глаза невиданной, сапфировой синевы: она подумала, что ослепнет, если будет глядеть в них слишком долго. Несмотря на яркость черт, лицо его казалось безразличным, почти лишенным всякого выражения.

– Думаю, вы правы, – произнес Роберт. – Думаю, она действительно вернется.

Она вернулась. С красными глазами, но вернулась.

– Они заставили меня лечь на пол, – заговорила она, тяжело сглотнув. – Бросили сверху одеяло и начали бить ногами. Я свернулась клубком. Пыталась заслонить грудь и голову. Я думала, они меня убьют. Думала, они нарочно закрыли мне лицо, чтобы не видеть его, когда это произойдет. Я закричала, что позвоню бабушке и он даст мне денег. Спаркл убрал одеяло. Протянул мне мой мобильник и велел звонить. Я сказала бабушке, что я в беде и мне нужно полторы тысячи фунтов. Он сказал, что не даст. Я думала, они продолжают меня избивать, но Спаркл сказал, что я могу отработать свой долг, если буду продавать для него наркотики. Он дал мне товара на триста фунтов и велел приступить. Потом отвез на вокзал и отпустил.

5 февраля, четверг, 20:30

В восемь тридцать дверной звонок начинает безостановочно трезвонить. Я с самого утра знала, что ты придешь, не дождавшись меня в театре. Отвечать я, разумеется, не собираюсь. На всякий случай пробую снять трубку домофона, но звонок не затыкается. Стало даже хуже – теперь я еще и голос твой слышу. Молча кладу трубку на место. Больше я ее не подниму.

Иду в спальню. Хватаю городской телефон. Набираю девятку. Потом еще одну. Перед третьей мой палец замирает.

Мне снова пятнадцать. Я сижу в полицейском участке. Женщина-полисмен допрашивает меня насчет моей сумки. Вопросы вылетают один за другим, и мне хочется, чтобы рядом были родители, но они с Ровеной ждут меня в общем зале, в окружении галдящих родственников арестованных. У меня точно украли сумку? Может, я просто потеряла ее и теперь боюсь признаться родителям? Они ведь наверняка очень недовольны лишними тратами и заботами, которые свалились на них из-за моей безответственности? Нужно поменять замки, купить новые учебники, опять выдать мне деньги на обед на целую неделю? Я говорю ей, что мои родители никогда не станут расстраиваться из-за таких вещей; что они волнуются только о моей безопасности и у меня нет причин их бояться. Но каждое мое слово как будто только укрепляет ее подозрения. Пытаюсь уговорить ее разрешить мне позвать Ровену, но она считает ее слишком ненадежным свидетелем: раз Ровена моя подруга, то ее показаниям в мою пользу доверять нельзя.

Напавшую на меня девочку, конечно, не нашли. Не думаю, что ее вообще искали.

«Мы ничего не можем сделать в отсутствие убедительных доказательств, подтверждающих факт совершения преступления».

Вместо третьей девятки я нажимаю красную кнопку. Швыряю трубку на кровать. Я знаю, что в полицию обращаться бесполезно: у меня все еще нет убедительных доказательств. Когда

они приедут, тебя уже не будет, и они снова не воспримут меня всерьез. Ты не настолько глуп, чтобы попасться с поличным прямо у моей входной двери. Вполне возможно, что меня даже оштрафуют за ложный вызов. За то, что я снова – всего через шесть дней после первого звонка – обратилась не по адресу. Они решат, что ты плод моего воображения. Как та девочка, которая ударила меня на набережной.

Девять часов. Я уже не в состоянии выносить этот бесконечный трезвон. Поднимаю домофонную трубку. Молча жду, что ты скажешь. Я знаю, ты не заставишь себя ждать.

– Кларисса? Кларисса? Я тебя ждал, Кларисса. Что-то случилось, Кларисса? Как ты можешь быть такой жестокой, Кларисса! Я думал, ты раскаиваешься в своем вчерашнем поведении, а ты вот что устроила!

Раньше я любила свое имя – до тех пор, пока не появился ты. Я не хочу, чтобы ты и его у меня отнял; я не позволю тебе это сделать, хотя теперь я съезживаюсь каждый раз, когда ты его произносишь.

Меня пугает легкость, с какой ты переходишь от взволнованного тона к раздраженному, от заискиваний к упрекам. Пытаюсь успокоиться; раскачиваюсь взад-вперед, обхватив себя руками.

Иду в ванную и закрываю за собой дверь. Никакого эффекта: звук такой же громкий. Включаю воду на полную мощность. Это помогает, хотя и не заглушает тебя полностью. Насыпаю в ванну лавандовую соль – очередной рождественский подарок Гэри, всегда один и тот же. Каждый год мы оба веселимся, когда он его вручает. Но сейчас мне не до смеха. Я жду, пока ванна наполнится, потом раздеваюсь и неловко плюхаюсь в нее, чтобы уши оказались под водой.

Наконец-то я тебя не слышу! Вот только соль меня сегодня совсем не расслабляет. Через пять минут мне уже нехорошо от жары; из-за пара дышать почти невозможно. Искусственная тишина пугает не меньше, чем шум. У меня мелькает слабая надежда, что когда я вынырну, то не услышу ничего. Но ты, разумеется, все еще здесь. Концерт продолжается. Я встаю слишком резко, и у меня начинает кружиться голова.

«Методичный» – вот как тебя можно назвать. А еще точнее, хоть и злее – «обсессивно-компульсивный». Ты достоин этого термина как никто другой. Звонок заливается ровно шестьдесят секунд; затем воцаряется драгоценная тишина, которая длится ровно две минуты, и после этого все повторяется сначала. Может, у тебя с собой секундомер? Хорошо, что мисс Нортон почти глухая. Она рано ложится и перед сном вынимает слуховой аппарат. К счастью, я не на улице, и ты не сможешь подкараулить меня, как тогда в ресторане.

Заворачиваюсь в полотенце и иду в спальню. Закрываю дверь, но трезвон от этого тише не становится; в ванной было то же самое. Включаю радио. Передают прелюдию Шопена. Ставлю громкость на максимум: теперь тебя едва слышно, если сбросить со счетов паузы в фортепьянной партии. Залезаю под одеяло и натягиваю его на голову. Ты исчезаешь. Тебя больше нет.

Очень скоро мои уши снова не выдерживают, но на этот раз уже по другой причине. Я чувствую, что ты навсегда разрушил мою любовь к Шопену. Эта музыка не создана, чтобы работать как глушилка! Она не должна соревноваться с твоим прижатым к звонку пальцем! Эта музыка – не оружие, но зашкаливающие децибелы превратили ее во что-то варварское и отвратительное. Я опять задыхаюсь. Мой нос закрыт ватным одеялом, и я просто не в состоянии наполнить легкие воздухом. Спешно выбираюсь из своей самодельной камеры сенсорной депривации. Шопена придется выключить. И тогда ты снова начнешь терзать мои барабанные перепонки.

Десять часов. Я понимаю, что не выдержу больше ни минуты. Ты опять победил. У меня не получается тебя игнорировать. Хватаю домофонную трубку:

– Я тебе не открою. Никогда. И никуда с тобой не пойду. Тебя не просили брать эти билеты. Я бы ни за что не пришла в тот ресторан, если бы знала, что там будешь ты!

– Я не хотел тебя расстраивать, Кларисса! Я всего лишь пытаюсь сделать тебя счастливой. Ты это уже говорил.

– Мне больше ничего не нужно, Кларисса.

Опять двадцать пять.

– Я знаю, что ты одинока, Кларисса. Я тоже одинок. Я лишь хочу помочь нам обоим, Кларисса.

Ты невыносим.

– Я знаю, что твое сердце разбито, Кларисса. Мое тоже. Ты разбиваешь его снова и снова... Я ухожу, Кларисса.

В прострации кладу трубку на рычаг и промахиваюсь. Трубка повисает; со второй попытки я возвращаю ее на место.

Пятница

Из-за недосыпа трудно было понять, о чем речь.

– Вы подтверждаете описание мужчины, который, по вашим словам, подсел к вам по дороге в Лондон?

Адвокат Азаролы мистер Уильямс походил на актера из судебной драмы, у которого все реплики и жесты уже давно и тщательно отрепетированы.

– Вы сказали, рост примерно пять футов девять дюймов, телосложение худощавое, метис, африканские косички.

Азарола подался вперед. Его рост был значительно больше шести футов. Кожа золотистая, глаза карие, волосы – светло-каштановые, густые, короткие, абсолютно прямые. Широкие плечи и грудь – почти такие же широкие, как у Роберта, – обтягивал тонкий черный свитер, явно дорогой, возможно кашемировый. Облик испанского поп-певца.

– Да, все верно, – ответила мисс Локер.

Описание не подходило совершенно. Кларисса гадала, смогла бы она так ошибиться или нет. Разглядела бы она чужую внешность, если бы ей было страшно до обморока? А может, полиция поймала не того?

Адвокат Томлинсона выглядел и декламировал как настоящий шекспировский актер.

– У вас с мистером Томлинсоном был секс по обоюдному согласию, – говорил он. – А вовсе не жестокая схватка, как вы тут изобразили. Это была обычная расплата за наркотики, и вы пошли на нее с холодным сердцем. Вы настоящий профессионал, мисс Локер. Вы ведь даже дали мистеру Томлинсону презерватив!

Кларисса вздрогнула. Она почти не помнила события той ночи и не могла точно сказать, надевал ли Рэйф презерватив. Вряд ли надевал. Она боялась забеременеть, и это нежелание было для нее новым и непривычным. Когда спустя неделю у нее как по расписанию наступили критические дни, она испытала невыразимое облегчение. Что сказал бы мистер Белфорд, если бы на свидетельском месте сидела она?

– Вот что бывает, когда выдвигаешь обвинение. Тебя просто еще раз насилуют тут перед всеми и после этого объявляют проституткой, – спокойно сказала Кларисса, когда они с Энни, забрав пальто, направились к выходу.

– Но она же правда проститутка, Кларисса! Как бы она ни отнекивалась, тут ей никто не поверит.

Кларисса сунула в сумку потрепанный сборник стихов Китса – напоминание о незаконченной аспирантуре. Она хваталась за него всякий раз, когда окружающий мир казался ей осо-

бенно мрачным и жестоким. Она посмотрела в окно на платформу. Мимо широко и уверенно прошагал Роберт и нырнул в подземный переход. Остальные пассажиры только-только поднимались со своих мест, а он каким-то образом уже успел выйти из вагона и пройти почти всю станцию.

Толпа несла ее к ступенькам; она вглядывалась в окружавшие ее лица, высматривая Рэйфа. После целого дня, проведенного в сидячем положении, ломило все тело. Ей хотелось двигаться, хотелось дышать свежим воздухом. От утренних прогулок она уже отказалась; нельзя было терять еще и вечерние. Устрашающая очередь на такси помогла ей принять окончательное решение. И все же она была рада, что вокруг нее так много людей.

Она все еще нервничала. Подойдя к переходу под железнодорожными путями, она остановилась и заглянула внутрь. Ничего подозрительного. Потом, на мосту, перед тем как перейти реку, она снова остановилась и начала вглядываться. Никаких признаков Рэйфа.

И все же на середине моста кто-то был. Кто-то съежился под грудой превратившихся в лохмотья одеял, сжимая в руках бутылку дешевой водки. Рядом стояли пакеты с нехитрым scarбом. Вокруг валялись пустые банки из-под пива.

Обычно Кларисса обходила таких за милю. Но сегодня решила приблизиться, несмотря на неприятную смесь жалости и страха, которую вызывала у нее эта женщина. Такое же чувство она испытывала, глядя на мисс Локер. Она покрепче прижала к себе сумку.

Волосы у женщины были настолько сальные и свалявшиеся, что определить их цвет не представлялось возможным. На тощем теле болталась грязная, рваная ветровка. Красное, загорбелое, испещренное морщинами лицо покрывали какие-то струпья, наверняка очень болезненные. Она казалась старухой, хотя в действительности ей могло быть не больше сорока. Что, если на ее месте однажды окажется мисс Локер? Женщина распространяла вокруг себя характерное кислое зловоние – смесь запахов давно не мытых гениталий и подмышек. Кларисса чуть не задохнулась и решила дышать через рот, надеясь, что со стороны это будет не очень заметно.

– Подайте бездомной на ночлежку! – просипела женщина, протягивая посиневшую от холода руку.

Кларисса сняла варежку, связанную мамой, и вытащила бумажку в двадцать фунтов, понимая, что на эти деньги, скорее всего, будут куплены наркотики – одна доза героина или крэка.

– Дай вам Бог здоровья! – сказала бездомная.

Клариссе захотелось отдать варежки, но она не была уверена, что ее дар примут. Она нерешительно стянула вторую варежку. После секундного колебания женщина взяла варежки и медленно, неуклюже надела их.

– Дай вам Бог здоровья, – повторила она, избегая смотреть Клариссе в глаза.

Кларисса поспешила домой, на ходу засовывая озябшие и стиснутые в кулак руки в карманы пальто. Когда она шила его, Генри еще был рядом.

Она вспомнила, как он улыбался, сидя в гостиной с газетой и бокалом вина, пока она, стоя на коленях, размышляла над куском шерстяной ткани цвета индиго, которую простегала ромбами. Как он весь искрился энергией, даже если ничего не делал. Как он каждое утро сбрасывал жалкие остатки волос на голове, предпочитая оставаться абсолютно лысым: не покорность судьбе, а осозанный выбор; еще одно доказательство безупречности его вкуса. Теперь он в Кембридже. В совершенно другом мире, в котором нет места ни для Клариссы, ни для этой бездомной.

6 февраля, пятница, 18:15

На полке в *холле* меня ждет небольшой бумажный пакет. Открываю его. Внутри – миниатюрная коробочка в гофрированной золотой бумаге, которую ты аккуратно обвязал круче-

ной серебристой ленточкой. К коробочке приложено письмо на плотном кремовом картоне с вытисненной розой:

«Я вижу, какие вещи тебе нравятся, Кларисса. Надень его для меня».

Поднимаюсь по лестнице, на ходу дрожащими руками открывая коробочку. Замираю на площадке перед собственной дверью. То самое кольцо, на которое я как зачарованная смотрела тогда в ноябре. Если бы ты знал, о чем я в тот момент думала, ты бы никогда его не купил. Я думала о Генри. Не о тебе. Я бы никогда в жизни не стала думать о тебе. Ты для меня пустое место.

Прикасаюсь к кольцу кончиками пальцев. Провожу подушечками по холодной платине, усыпанной миниатюрными бриллиантами. У меня мутнеет в глазах; кажется, кольцо сейчас уколется меня до крови. Оно вернулось ко мне, словно бумеранг!

Едва переступив порог, я начинаю судорожно запихивать все обратно в пакет. Письмо отправляется туда же. Заклеиваю пакет скотчем и наклеиваю на него новую марку. Перечеркнув свой адрес, срывающимся почерком пишу сверху адрес университета и твою фамилию. Нельзя, чтобы ты тешил себя мыслью, будто я приняла от тебя такую дорогую вещь. Завтра утром первым делом отошлю все назад.

Решительно кладу конверт в сумку. В голове всплывает очередная рекомендация брошюрок: «Сохраняйте все письма, посылки и другие вещи, как бы они вас ни пугали и ни расстраивали». Я замираю.

Придется оставить кольцо. И не важно, сколько денег ты потратил. В конце концов, это подарок – только не в том смысле, в котором ты думаешь. Это кольцо пополнит мою неуклонно расширяющуюся коллекцию доказательств. Довольно впечатляющую коллекцию, хотя все еще недостаточно убедительную для полиции.

Неделя вторая. Огненные ангелы

Понедельник

Кларисса наблюдала, как Роберт перелистывает папку с делом. Добравшись до страницы с фотографией салона минивэна, он внимательно изучил ее, а затем что-то быстро написал и отдал записку приставу, чтобы тот отнес ее судье.

– Нам рассказали историю о жестоком изнасиловании, незаконном удержании, нанесении побоев и других издевательствах, – говорил мистер Белфорд, устремив на мисс Локер недоверчивый взгляд. – Но где же следы на теле жертвы?

Судья прервал его и с присущей ему изысканной вежливостью попросил всех взглянуть на отмеченную Робертом фотографию. За водительским сиденьем, в самом центре вороха смятых жирных оберток от фастфуда, виднелась зеленая одноразовая зажигалка.

Мистер Морден не отрывал от Роберта сияющих глаз. До сих пор эту зажигалку никто не замечал, а ведь она косвенно подтверждала рассказ мисс Локер о том, как Годфри жег ей в машине сережки.

Когда мистер Морден и мистер Белфорд принялись вполголоса препираться, присяжных в очередной раз отпустили на перерыв. Кларисса сидела на своем обычном месте; Роберт занял стул напротив – в самом углу маленького предбанника, слишком ярко и неестественно освещенного.

– Бедная девушка, – произнес он, выражая свое сочувствие без малейшего смущения.

– Да. Настоящий кошмар, – грустно кивнула Кларисса. Интересно, многие ли мужчины отважились бы столь определенно высказаться при всех. – Не могу поверить, что вы заметили эту зажигалку. Вы, случайно, не детективом работаете?

– Нет. Я пожарный, – ответил он без всякой рисовки. – Я привык осматривать помещения в поисках возможного источника пожара. Занимаюсь этим с двадцати лет. Почти полжизни.

Вернулся пристав. Кларисса нашарила свою сумку и кардиган. Она еще никогда не встречала пожарных; она вращалась в кругу университетских преподавателей, в объездах одного из которых в конце концов и оказалась, хотя сама учебу так и не закончила. Правда, Генри был скорее поэт. То, чем занимался Роберт, казалось ей очень интересным и важным.

– Это просто работа, – прибавил он, словно прочитав ее мысли и желая направить их в нужное русло. Даже простые, будничные слова в его устах звучали мягко и дружелюбно. – Все мы чем-то занимаемся в жизни.

– Мисс Локер, вы ведь способны на насилие?

Мисс Локер помотала головой, словно вопрос мистера Белфорда не заслуживал словесного ответа. Мистер Морден в негодовании вскопился, выражая свой протест, и присяжных снова увели.

Они опять были в маленьком предбаннике. Кларисса сидела напротив Роберта и Энни и вспоминала события прошлой среды. Она снова видела, как флакон с жидким мылом выскальзывает у нее из пальцев и вдребезги разлетается на кафельном полу уборной. Она не смогла разбить его об голову Рэйфа.

«Я ведь тебя знаю, Кларисса! Ты никогда не причинишь мне вреда!»

– Не думаю, что я способна нанести кому-то серьезные повреждения, – сказала она. – Хотя иногда очень хочется.

– По-моему, ты даже с мышью не справишься! – заявила Энни.

– Дело тут не в физической силе, – ответил Роберт, испытующе глядя на Клариссу. – Просто вы еще не попадали в ситуацию, в которой это было бы действительно нужно. Совершить насилие может каждый. И вы тоже сможете, если потребуется.

– А вы совершали насилие, Роберт? – спросила Энни.

Роберт молчал. Его лицо ничего не выражало.

– Впрочем, можно было не спрашивать. Конечно, совершали.

Мистер Белфорд сверлил мисс Локер взглядом все то время, пока присяжные отсутствовали. Он был похож на сокола, кружащего над полевой мышью, выжидая удобный момент.

– Верно ли, что ваш бывший партнер сейчас живет с другой женщиной?

Кларисса сочувственно взглянула на Энни, которую муж недавно бросил ради другой женщины. Потом подумала о Ровене. И о жене Генри.

Мисс Локер сидела, уставившись на свои руки. Кларисса попыталась представить, что почувствует, когда Генри найдет кого-то еще. Она знала, что ей будет больно, если с другой девушкой он успешно пройдет процедуру ЭКО. И знала, что должна быть выше этого. Впрочем, вряд ли он в ближайшее время опять решится на подобный эксперимент; Генри всегда хотел выглядеть таким самцом, сочащимся тестостероном, и заставил Клариссу поклясться, что она никогда и никому не расскажет о жалкой горстке сперматозоидов-уродцев с пятью головами и десятью хвостами, которые как одержимые плавают по кругу, натываясь друг на друга.

– Вы угрожали убить ее? – продолжил мистер Бел-форд, так и не дождавшись ответа от мисс Локер.

– Конечно нет!

Мистер Белфорд покачал головой, всем своим видом показывая, что ответы мисс Локер слишком нелепы и говорить с ней дальше просто бессмысленно.

Кларисса, чье внимание целиком поглощено мисс Локер, мистером Белфордом и собственными записями, на публику не смотрела. Но краем глаза заметила движение в последнем ряду. Бесцветный мужчина сделал шаг вперед. Его бледное лицо перестало сливаться со стеной. Он неотрывно глядел на Клариссу, явно желая, чтобы она его увидела.

Роберт остановился, пропуская ее вперед. Она споткнулась и почувствовала, как запылали щеки. Дыхание участилось, сердце выпрыгивало из груди; ей казалось, все видят, как оно колотится под платьем.

9 февраля, понедельник, 17:55

Я сижу в комнате присяжных и делаю вид, будто слишком увлеклась чтением и не замечаю, что все уже давно ушли. Пристав громко собирает свои вещи, не спуская с меня выразительного взгляда; наконец он говорит, что на ночь здесь оставаться нельзя. Ну что ж... я не смогу оттягивать нашу встречу до бесконечности.

Ты ждешь меня у входа. Так я и думала. Уверенным шагом прохожу мимо, иду до конца улицы и поворачиваю налево. Тебя нет.

– Кларисса! – Ты меня догнал. – Глупо так молчать, Кларисса!

Я резко останавливаюсь напротив палатки с кофе. Она уже закрыта, как и все остальные на рынке. Никогда не видела, чтобы здесь было так пустынно. Правда, несколько прохожих еще бродят по рядам: формально можно считать, что я нахожусь в безопасном общественном месте.

– Поговори со мной, милая!

– Я тебе не милая! – огрызаюсь я. Не могу сохранять молчание, не могу выполнять рекомендации брошюрок! Ты делаешь шаг в мою сторону. – Не приближайся ко мне! – Голос срыгается на визг, и я пытаюсь говорить тише. – Никогда сюда не приходи! Ты не имеешь права!

– Но это места для публики, Кларисса.

Если я и дальше хочу сидеть на скамье присяжных, если и дальше собираюсь участвовать в разбирательстве, то я должна заставить тебя не приходить. Иначе зал суда превратится в ловушку, и я весь день буду перед тобой, как в аквариуме. Раньше я не осознавала, насколько большое значение имеет для меня этот процесс. Оказывается, он нужен мне, и я необыкновенно горжусь тем, что стала присяжной: я всегда мечтала о чем-то подобном. Даже в твоём присутствии мой мозг фонтанирует избитыми фразами насчет общественного долга и гражданской позиции.

– Если ты еще хоть раз появишься в суде, я скажу судье, что знаю тебя. И тогда он может даже приостановить процесс. Присяжных нельзя беспокоить. Я должна быть предельно сосредоточенна и не отвлекаться на разных знакомых.

– Свидетельские показания тебя расстроили, Кларисса. Я понял.

Ты, конечно, прав. Меня бесит, когда ты прав насчет меня. Меня бесит, что я не заметила, как ты за мной наблюдаешь. Не представляю, что бы я сделала, если бы увидела тебя в самый разгар этого отвратительного действия, а не в его последние мгновения. И это тоже меня бесит.

– Нет такого закона, который запрещает друзьям присяжных сидеть на местах для публики.

– Ты мне не друг.

– А, ну да. Я твой возлюбленный, – исправляешься ты.

– Ты мне не... – Я закусываю губу. У тебя такой несчастный вид, что тебя кто угодно пожалеет.

– Я думал, ты будешь счастлива меня видеть.

– Ты ошибся! – Оказывается, быть неприветливой не так уж и сложно. Думаю, моей маме и в голову не приходит, что на свете бывают такие люди, как ты. Меня уже трясет от ярости.

– Я больше не вижусь с Ровеной.

– Меня не интересует, с кем ты видишься, а с кем не видишься.

– Какая ты жестокая, Кларисса! Я так волновался за тебя, когда ты болела.

– Я тебя обманула. Я не болела. Мне просто нужно было, чтобы ты отстал. Я не хотела, чтобы ты нашел меня и узнал, что я здесь. Мне не нравится, когда меня преследуют. У меня есть право на частную жизнь!

Так гораздо лучше. Жестко, зато честно.

– Ты очень дурно поступила, Кларисса. Я был о тебе лучшего мнения.

– Меня не волнует, какого ты обо мне мнения. Я хочу, чтобы у тебя вообще не было обо мне мнения.

– Твой мобильник по-прежнему недоступен, Кларисса.

– Я сменила номер. Мне пришлось сменить его из-за тебя. Я уже миллион раз тебе говорила, что не хочу иметь с тобой ничего общего.

– Я обошел все залы суда, пока искал тебя.

Медленно качаю головой из стороны в сторону:

– Ты что, не понимаешь, что это ненормально?

– Вовсе нет. Это лишь доказывает, как много ты для меня значишь.

Ты распахиваешь руки, словно ждешь, что я сейчас упаду в твои объятия. Как ты мог подумать, что мне этого захочется? Делаю шаг назад.

– Тебе понравилось кольцо, Кларисса?

– Нет.

– Но ты не вернула его. Значит, понравилось.

– Не надо мне ничего присылать. И держись от меня подальше!

Поворачиваюсь, чтобы уйти. Ты хватаешь мою руку. Я вырываю ее:

– Не приближайся ко мне! Меня от тебя тошнит! И от твоих посылок тоже!

– Значит, сначала ты спишь со мной, а потом знать не хочешь? Ты не имеешь права давать мне отставку после всего, что между нами было!

Мозг сверлит фраза из брошюры:

«Каждый третий преследователь близко знаком со своей жертвой».

– Всего одна ночь. И она ничего для меня не значила. Это моя самая большая ошибка. И я бы никогда ее не совершила, если бы не была пьяна. Если не хуже. Ведь было и еще что-то, не так ли? – На этот раз ты не знаешь, что ответить. – Почему я ничего не помню? Откуда на мне взялись эти отметины? Почему на следующий день мне было так плохо?

Молчание. Да, на этот раз мне есть что сказать, в отличие от тебя.

– Ты с ума по мне сходила, Кларисса, – отвечаешь ты, и я тут же об этом жалею: лучше бы ты молчал. – Ты так страстно отзывалась на мои ласки... умоляла меня делать с тобой разные вещи...

– Я была без сознания! – Я до боли сжимаю пальцами сумку, пытаюсь унять дрожь в руках. Выпитый за обедом кофе уже где-то на пути обратно. Я сглатываю. – Что ты подсыпал мне в вино?

– Это просто абсурд, Кларисса! Ты хотела меня – зачем отрицать? Ты хотела меня так же сильно, как я тебя! Ты лежала и наслаждалась.

– Я тебя не хотела! Ни тогда, ни тем более сейчас!

Твои кулаки сжимаются и разжимаются. Твой рот перекошен, лицо сочится ненавистью.

– Сука! – Ты пытаешься совладать с лицом. – Я не хотел, Кларисса. Прости меня. Ты меня очень сильно расстроила, и я не знал, что говорю. Скажи, что ты меня прощаешь!

Брошюры снова атакуют меня:

«От домашнего насилия в Англии каждый месяц погибает восемь женщин».

Не хочу, чтобы они вот так выпрыгивали на меня из-за угла. Не хочу о них думать. Не хочу им верить. Они как заботливые друзья: нашептывают на ухо неприятную правду, которую я не желаю знать. «Каждый месяц погибает восемь женщин». Предпочитаю думать, что эти цифры просто взяты с потолка.

– Я ухожу. Пойдешь за мной – вернусь в здание суда и скажу охране. Они еще там.

– Скажи, что ты меня прощаешь, и я уйду.

– Я никогда тебя не прощу. Если я еще хоть раз увижу тебя в здании суда, я пожалуюсь судье.

– Я не хотел, Кларисса. Не хотел тебя так называть.

– И на работе я тоже все про тебя расскажу. Расскажу, как ты пришел сюда, расстроил меня и я не смогла справиться с возложенными на меня серьезными обязанностями.

Я не щажу тебя; тошнота прошла, и меня больше не трясет. Я знаю, что мои слова отобьют у тебя всякую охоту приходить в суд.

– Я подам на тебя официальную жалобу в отдел кадров, – продолжаю я. – Они считают, что несут ответственность за тех сотрудников, которых вызывают в суд. – Между прочим, это истинная правда. – Я знаю, тебе не хочется, чтобы на работе узнали, чем ты занимаешься. – И это тоже правда. И злобный огонек, загоревшийся в твоих глазах, это подтверждает. Ты никогда не шлешь мне электронные письма с университетского адреса.

– Нет, ты сука! Ты совсем не та женщина, какой я тебя представлял!

– Да, не та. Ты меня совсем не знаешь. Просто оставь меня в покое. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Я ухожу. Ты меня не преследуешь.

В брошюрах пишут, что говорить нужно решительно, четко и недвусмысленно. Что ни в коем случае нельзя пытаться смягчить удар. Что «Нет!» – это абсолютно полноценное предложение. И произносить его нужно твердо и без колебаний.

Вторник

У мистера Турвиля было красное лицо и внушительная фигура. Парик съехал на сторону и едва не падал каждый раз, когда мистер Турвиль вытирал лоб. Бесцветные глаза Доулмена неотрывно глядели в спину человека, который должен был его спасти, а тот тем временем раздавал всем газетные вырезки.

Карлотта Локер сидела на зеленой, усыпанной одуванчиками поляне, одетая в воздушную сиреневую блузку и джинсы клеш. На ногах у нее были легкие кроссовки. Цвет травы удивительно гармонировал с цветом ее глаз; светлые волосы до плеч были распущены и заправлены за уши. Она смотрела исподлобья, слегка нахмурившись, и шурилась от яркого весеннего солнца. У нее был грустный и одновременно храбрый вид, словно она побывала на волосок от гибели и теперь смотрела на все другими глазами. Кларисса недоумевала: со стороны мистера Турвиля было довольно странно показывать им такую фотографию.

Она взглянула на заголовок: «Молодая женщина ускользнула от жестокого насильника и убийцы».

Статья была написана почти три года назад, в самом конце апреля. Подпись под фотографией гласила: «Вверху: Карлотта Локер, едва не ставшая жертвой Рэндольфа Моубрея».

Она начала читать.

Карлотта Локер чудом избежала участи девятнадцатилетней Рейчел Херви, погибшей в августе прошлого года от рук безжалостного маньяка, извращенца и насильника – двадцатишестилетнего Рэндольфа Моубрея. Карлотта – симпатичная двадцатишестилетняя женщина и активная тусовщица – познакомилась с этим жестоким садистом и убийцей в одном из лондонских ночных клубов. Хитрый, расчетливый и высокомерный Моубрей совершенно ее очаровал. «Я с ужасом вспоминаю, как легко я согласилась к нему поехать, – говорит она. – К счастью, я плохо себя почувствовала и поэтому передумала. А потом я узнала, что как раз в тот вечер он убил ту девушку. На ее месте могла быть я!»

Рэндольф Моубрей писал диссертацию о серийных убийцах в литературе. Он преследовал Рейчел несколько месяцев. В тот трагический день он насильничал над ней и пытал, а в конце задушил. Тело девушки он спрятал у себя дома под половицами. Его нашли через десять дней. Пропавшую студентку объявили в розыск, по телевидению показывали реконструкцию ее последних перемещений. Судебное разбирательство длилось пять недель – тяжелейшее испытание для семьи погибшей; и оно превратилось в настоящий кошмар после того, как Моубрей заявил, что Рейчел якобы сама его домогалась и настаивала на извращенных сексуальных играх. Убийца утверждал, что эти игры просто вышли из-под контроля и смерть девушки наступила случайно.

По словам начальника отдела сыскной полиции Яна Мэтисона, это одно из самых жутких и чудовищных дел, с которыми ему приходилось сталкиваться за всю его тридцатипятилетнюю карьеру. «Моубрей, – говорит мистер Мэтисон, – безжалостно отнял жизнь у молодой, красивой и талантливой девушки. И свое преступление он совершил с особой жестокостью. Последние минуты Рейчел были наполнены страхом и болью».

– Она притягивает неприятности как магнит, – прошептала Энни.

Кларисса рассеянно кивнула в ответ. Она вспомнила, что читала об этом деле в газетах. На суде говорилось, что за несколько недель до своего исчезновения Рейчел написала на

Моубрея заявление, но полиция ничего не стала делать, поскольку у нее не было убедительных доказательств.

«Страхом и болью».

Ей хотелось кричать. Перед глазами стояло избитое, окровавленное, похороненное под половицами тело и обезумевшие от горя родители, вопреки всему возносящие мольбы о том, чтобы их дочь вернулась целой и невредимой.

– Вы продали свою историю в общенациональную газету, – произнес мистер Турвиль, осуждающе глядя на мисс Локер. – Вместе с этим снимком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.